

ПереКРЕСТок одиночества - 2

Автор:

Дем Михайлов

ПереКРЕСТок одиночества – 2

Дем Михайлов

Крест #2

Дем Михайлов – известный российский писатель-фантаст, один из основоположников ЛитРПГ, автор популярных циклов романов в жанрах фэнтези и боевой фантастики. Представляем вторую книгу из его цикла «Перекрёсток одиночества». Главный герой многого добился в этой жизни – и заскучал. Заскучал по временам, когда шёл к цели и каждый прожитый день был наполнен смыслом и борьбой. Что ж, судьба даёт ему возможность снова испытать эти чувства. Правда, в условиях, совсем некомфортных. Герой оказывается в странном месте, где каждый день нужно бороться за жизнь. Где чтобы поесть и согреться – нельзя расслабляться ни на минуту. В месте, которое стало его тюремной камерой и маленькой вселенной... Новая действительность открывается герою шаг за шагом и поражает. Оказывается, его крестообразная камера движется в воздухе и вместе с ним летят другие узники. Путём невероятных усилий, а также благодаря содействию удачи ему с группой заключённых удаётся сбежать. Но что ждёт их на поверхности земли в этом загадочном и пугающем мире?

Дем Михайлов

ПереКРЕСТок одиночества – 2

Пролог

– Мой-то побойчее твоего будет! – в голосе стоящей по ту сторону невысокого забора старухи звучало неприкрытое удовольствие. – Давече играют мой да твой у нас во дворе в мяч. Мой-то большой, крупный! Бух! Бух! По мячу раз за разом. Мячом о сарай как из пушки! Вот уж выкормила я так выкормила. Гордость берет. А твой сидит и смотрит, сидит и смотрит. Как птенчик квелый. За всю игру всего раз и ударил. И снова сел. И ведь еще и молчун! Мой-то внучек куда уж говорливей! С утра до вечера поет! Ты б своему попеняла – негоже таким тихим быть. Мой-то мужиком растет. А твой... – поняв, что слишком уж наговорила, старушка мелко перекрестилась. – Прости господи... ты уж не переживай. И твой вытянется да заговорит. Мож, и побойчее станет... Я уж как могла пыталась твоего вразумить. Да только он слушать вроде слушает, а сам мимо смотрит...

Замолкнув, старушка решила перевести дух, выжидательно уставилась на бабушку. А та, медленно разогнув спину, оперлась о выглаженную ладонями рукоять тяпки и, глянув сначала на меня – сидящего с карандашом над дубовым поленом, – а затем на явившуюся хятельную, наконец-то заговорила:

– Видела я вчера ту игру. Видела.

– Вот и я говорю! Мой по мячу бух! Бух! А твой сиднем сидит... и смотрит все исподлобья – будто завидует чему. А мой в чем виноват? В том, что родная бабушка души в нем не чает и каждый день пирогами да молоком потчует?

Словно и не услышав, бабушка продолжила тихо и неспешно говорить:

– Да только они ведь не в футбол играли, Матвеевна. Они мячом в городки играли. Сбивали стоящие у сарая чурки.

– Ну! Мой-то...

– Твой-то бьет и бьет, – в голосе бабушки добавилось жесткости, и говорливая старушка осеклась. – Бьет и бьет. Да все мимо. Мой же посидел, посмотрел. Потом встал, примерился и по мячу ногой вдарил. С одного раза все чурки и повалил. Так чего ж ему и дальше все бить и бить о стену? Пустой же говорливости касательно – а к чему нам такое горе? Молчаливый да приметливый, сил впустую не тратающий, – как по мне, вот будущий мужик. Ты

Матвеевна меня знаешь. Поперед внука моего хаять не смей. И учить ничему не смей – а то наведаясь к тебе в дом с этой тяпкой и подлечу тебе спину.

– Да ты чего разъярилась... ты остынь...

– Ты трех сынов вырастила. И все тебя бросили. Дочка... разжиревшая корова, что два раза в год приезжает – весной внука оставить, а в конце лета забрать. Еще и деньги у тебя кланчит. Ну как? Довольна выводком цыплят родных? Хорошей воспитательницей им была? И видно, не хватило тебе, клуша... внуков так же растишь! Но то дело не мое. Моего не тронь! Слышала?!

– Да кому он сдался-то... ты остынь, остынь говорю...

– Моего не тронь! – повторила бабушка. – Портить не дам! И сама пойми наконец! В мужике не говорливость и суматошность пустая нужны. Да и ума палата ему ни к чему! Мужик деловитым быть должен! Думать о деле, делать дело, любить дело – вот это мужик! Неторопливый и обстоятельный! Сил впустую не тратающий! Но таково мое разумение. А ты живи как знаешь. Но моего внука языком ядовитым своим касаться не смей, клуша! Пошла отсюда!

– Да я...

– Пошла говорю! И впредь, чтобы не мой к твоему в гости ходил, а твой сюда пусть тащится! Геть! Пошла!

Бабушка топнула ногой, и сухонькую старушку как ветром сдуло. Опустив голову, я продолжил выводить жирную черную линию по ровно стесанному боку дубового полена.

– Получается?

Я молча кивнул и продвинул линию еще на сантиметр, почти завершив грубый контур будущего топорща.

– Выбрасывай, – велела бабушка и ткнула рукоятью перехваченной тяпки в полено. – Что видишь тут? Трещина. А вот тут сучок. Это в баню снеси. А сам ищи новое полено – да выбирай с умом. Чтобы без сучков и трещин. И запомни –

мужчина и суженую свою должен с умом выбирать. Бабу ладную. Без сучков и трещин. Чтобы по руке и по душе была. Понял?

– Понял...

– Иди. И не забудь – за баней капусту тебе полоть.

– Уже.

– Все три грядки?

– Да.

– Тогда дров к бане натаскай. Прихватило спину что-то – надо бы распарить ее хорошенько. Сделаешь? Не устал?

– Сделаю. Не устал...

Глава первая

– Я как подсек! Удилище выгнуло! Удочка трещит! Вот-вот сломается! Так я в воду! Удилище мягко на себя! Ох и помучился я тогда... но сазана вытащил, конечно. Рекордного! Положил его на травку у палатки, а сам глаз не отвожу – налюбоваться никак не могу! Красавец! Закурил, фляжку открыл. Только глоток сделал – и бах! В келье очутился... эх... Так вот и начался первый день моего сидения, – дребезжаще засмеялся древний старичок именуемый себя Данилычем. – Все сорок годков отмотал от звонка до звонка! Что ж уж теперь... так как тебе мне не повезло. Молодость на галерах прошла. Но я жив! Копчу небо помаленьку. А это главное, верно?

– Само собой, – с улыбкой кивнул я. – Главное – жить. Каждый новый день – уже победа.

– Ну ладно. Спасибо за шашки. Пойду кого-нибудь на сигаретку растрясу. А патроны... чего нет, того нет, Гниловоз. Уж не обессудь.

– Да чего там, – еще раз кивнул я. – Если узнаете, у кого они есть, и мне скажете – буду благодарен. Возьмите, Данилыч. Покурите.

Щелкнув серебряным портсигаром, я выудил одну сигарету из трех. Протянул старику. Пользы от старичка ноль. Только время мое потратил, рассказывая про свои рыбацкие будни.

– Ох, спасибо! – Старик бережно принял сигарету.

Дальше последовал целый ритуал, за которым я наблюдал с интересом.

Сначала сигарета была осторожно опущена на каменный стол. Рядом поместили плоскую и длинную жестяную коробочку. В ней обнаружилась пустая пачка из-под сигарет «Золотая Ява» и газовая зажигалка. Сигарета была перемещена в пустую пачку, жестянка тщательно закрыта «до щелчка» и убрана во внутренний карман старого заплатанного ватника. Встав, Данилыч церемонно склонил голову.

– Благодарю, молодой человек!

– Да не за что.

Проводив шаркающего старика взглядом, я вздохнул и медленно нарисовал крест на имени «Данилыч», вписанном в клетчатый блокнот, выменянный на сигарету без фильтра. Данилыча рекомендовали как один из надежных источников информации. Но ни на один из моих вопросов он не дал толкового ответа.

Вот здешняя настоящая валюта – сигареты!

Курильщиков много, а курева не достать. Слова Данилыча «пойду кого-нибудь на сигаретку растрясу» можно смело принимать за фантазии. Не дадут. Разве что в обмен на услугу или ценную информацию. И старика я угостил исключительно из добрых побуждений и уважения к его глубокой старости –

восемьдесят шесть годков Данилычу. Местный старожил. И настоящий долгожитель – в здешних условиях-то...

Зря я возлагал на него такие надежды.

Убрав блокнот в висящую на груди небольшую сумку, застегнул все молнии, ручку сунул во внутренний карман кожаной куртки. Встав, отправился на поиски следующего кандидата на роль информатора.

Вопросы у меня простые. Но многочисленные.

Кто продает или меняет патроны?

Кто продает или меняет огнестрельное оружие?

Кто знает тонкости охоты на медведей?

Чем опасны снежные черви?

Это лишь часть интересующих меня вопросов. Вот только ответов я получил маловато. Поболтать здесь был готов каждый второй. И с радостью. Но толку от их ответов мало. А если кто-то и сообщал что-то интересное, следующий собеседник моментально опровергал это утверждение и с пеной у рта доказывал свою правоту.

Час назад я узнал, что медведям надо стрелять промеж глаз. Там у них тонкая костяная перемычка, пуля легко пробьет ее и войдет в мозг. В защищенное толстенной шкурой жирное тело палить без толку – пуля завязнет в жиру, и мелкая рана только взбесит зверя.

А через полчаса жилистый безногий старик, завсегдатай Холла, долго смеялся, услышав, что медведям надо стрелять в голову. Отсмеявшись, старик покашлял, держась за грудь, выпросил у меня леденец, после чего сообщил, что стрелять в медведя глупо. Разве что из мощного оружия – тогда толк будет. А так ничего не найти лучше старой доброй рогатины и тяжелого топора. Останавливаешь зверя рогатиной, и пока кто-то держит – подбегаешь сбоку и наносишь пару сильных ударов топором по хребту. После чего можно спокойно добивать

обездвиженного зверя, а следом уже начинать спешно свежевать и грузить на нарты. Если же промедлить – сползутся снежные черви, и пиши пропало. Вмиг отгонят от распространяющей запах крови туши и все сожрут. Не уйдешь – и тебя сожрут. Воевать же против червей глупо. Проще уступить. А вообще – надо впрягаться и тащить тушу целиком. И свежевать ее уже под защитой стен Бункера. Но тут от размеров зверя уже все зависит.

Поразмыслив, я решил, что второй старик дело говорит. Я видел черепа здешних медведей... там кость в пять сантиметров толщиной. Без шуток. А сверху еще мясо, кожа, толстая меховая шуба... Клыков не имелось. Вместо них расположенные в несколько рядов тонкие, острые костяные пластины. Как раз чтобы кромсать жесткое мясо снежных червей – основной источник пищи медведей. Да и не медведи это вовсе. Скорее киты, отрастившие пару лап и таскающие себя по льдам в поисках пропитания или пары. Бывают весом в тонну и больше. Нижняя челюсть плоская, скользит при движении по льду – ей эти звери и зачерпывают червей, с хрустом их перемалывая и отправляя в пятикамерный желудок. Да уж... по медведям мне рассказали немало. Как-никак главная угроза в окрестностях. И главный источник пропитания для всех освободившихся сидельцев. Вот только охотятся как-то неумело...

Выйдя из барака, спустился по лестнице, миновал четверых зевающих охранников и оказался в холле Свободы. Красиво назвали. И даже статуя имелась – грубо вырубленная из камня фигура получившего свободу узника, держащего в высоко поднятых руках два обрывка разорванной цепи. Статуя стояла посреди двух каменных лестниц ведущих к, собственно, самому холлу, представляющему собой большой зал с низким потолком. В противоположной от меня стороне располагались сейчас запертые большие ворота.

Миновав статую, уселся на одну из ступенек, не забыв подложить под себя кусок ватника. Камень холодный, болеть же не хочется. С высоты лестницы задумчиво осмотрелся, выбирая из многочисленных целей наиболее многообещающего собеседника.

Мысли невольно вернулись в недавнее прошлое. К моменту, когда мы прибыли сюда два дня назад.

Побег удался. Мы – я, Шериф и Красный Арни – обрели долгожданную свободу, успешно покинув воздушную тюрьму. Во всяком случае, так мы думали тогда. Но чуть позже столкнулись с проблемой. Крест посадить не удалось. У самой земли

он вдруг заартачился. И отказался приближаться к земле ближе, чем на сто метров. Борясь с управлением, я понимал – вот-вот к нам нагрянет еще несколько тюремщиков, жаждущих выяснить, что произошло с их товарищем. И в этот раз они придут большим числом и с куда лучшим вооружением. Решение требовалось принять немедленно. И предупредив Шерифа с Арни, я направил дергающийся крест на вершину высокого холма.

Решение оказалось не самым лучшим. А касание вышло далеко не мягким. Мы на полном ходу снесли вершину холма, вспоров себе брюхо, разбив кокпит, что-то оборвав в начинке креста. Летаящая машина тяжело рухнула на склон и понеслась вниз. К счастью, это длилось недолго – через метров пятьдесят крест нагреб столько снега тупорылой мордой, что снежная куча сработала как тормоз и заодно послужила подушкой безопасности. Чуть придя в себя, начали подсчет ущерба.

Я вывихнул мизинец на левой руке, разбил лицо в кровь, синяков не сосчитать, жутко болела поясница.

Шериф и Арни отделались легче – на двоих не больше десятка ушибов и ни одного перелома. Но им неплохо досталось при побеге, так что везунчиками их назвать никак нельзя. Нагрузившись пожитками, уложив Арни и Шерифа на импровизированную волокушу из одеял, я потащился вперед, ориентируясь по указаниям Красного Арни. Тогда-то и познакомился со снежными червями и медведями... чуть там и не остались. По самому краю прошли. Но добрались до гостеприимно распахнувшихся врат...

Да-а-а...

Прервав воспоминания, я встал и зашагал по лестнице, двигаясь на звуки становящегося все ожесточеннее спора.

– Твоя очередь! Твоя тебе говорю! – хрипло орал трясущийся от холода старик.

Глянув на потолок, я увидел, что работает лишь одна линия ламп. Одна из трех. Стало быть, и система обогрева работает лишь одна из трех. О причине спора можно и не задумываться – опять из-за ненавистной очередности дерганья за рычаги лаются. Не хотят жизнью делиться.

– Не моя! Я семь дней назад дергал! Сегодня очередь Сипатого!

– Умер Сипатый! Вчерась похоронили! Совсем память отшибло?

– И что? Я семь дней назад дергал! Как не крути – не моя очередь! – не сдавался старик, пряча руки за спиной.

– Я сегодня дежурный! И я тебе говорю – твоя очередь!

– Ну нет!

– Добрый день, – улыбнулся я и, протянув руку, опустил торчащий из стены рычаг. Дойдя до противоположной стены зала, опустил еще один рычаг. Стало куда светлее, с урчанием ожили системы подачи горячего воздуха. С облегчением и радостью загомонили здешние обитатели, сидящие и лежащие на пятиэтажных нарах, превращенных в личные неприкосновенные убежища. И этот закон соблюдался строго. Заберешься на чужие нары без ведома хозяина – огромных проблем не оберешься.

Холл Свободы...

Именно сюда мы попали, впервые войдя в распахнувшиеся ворота. Такова была традиция – когда к воротам впервые прибывает новый освобожденный, ворота для него распахиваются настежь. И плевать, что быстро улетучивается накопленное тепло. Плевать! Это ритуал. Устоявшаяся традиция. Стоит новенькому перешагнуть порог – и все, кто может встать, поднимаются и во все горло орут «Свободен!».

Я был оглушен диким ревом.

– Свободен!

И меня пробрало до печенок. Я замер, глядя на орущих людей, стоящих и лежащих на нарах, стоящих у столов и все как один кричащих:

– Свободен!

Только тогда я осознал – я больше не узник. Я свободен.

Когда ворота закрылись за нашими спинами, к нам никого не подпустили суровые и еще крепкие, но уже седые охранники. Позже я узнал – холл Свободы тот еще крысятник. Обнимая и поздравляя, им ничего не стоит украсть что-то из кармана. Не все, конечно, здесь такие. Но многие. И холл Свободы не зря за глаза называют Поселением. Тут живут нищелюбы и те, кто совершил преступления, пребывая в Бункере.

Бункер... так его и называли.

Большое подземное сооружение, некогда бывшее пещерой, преобразованной терпеливыми и никуда не торопящимися руками бывших сидельцев.

Подошедшим старикам Красный Арни сказал пару слов. И те тотчас засуетились, послали вверх по двойной лестнице гонца,двигающегося со старческой неспешностью. Нас повели туда же – все те же крепкие старики, оказавшиеся охранниками, покрикивающие на пытающихся подступиться оборванцев. Еще тогда я понял – это настоящее гетто. Переполненное безнадежностью и подлостью. Да уж...

Это место до сих пор поражало меня.

Дернув рычаги, я остался рядом с последним. Едва минуло три минуты, дернул два рычага еще раз. И опять замер у стены, разглядывая Поселение и населяющих его жителей. Рычаги я дергал не доброты ради. Здесь никто ее не оценит – за редким исключением. Я дергал рычаги, чтобы привлечь к себе внимание, создать о себе мнение такого доброго парня, не боящегося ради остальных отдать немного жизни проклятым чужеземным машинам.

Длинные стены Холла представляли собой многоэтажные конструкции. Пять этажей пристенных нар. Перенаселенный муравейник. Одна стена женская, другая мужская. Каждое койко-место принадлежит одному из узников до тех пор, пока он не умрет. Или пока не будет изгнан – что, как выяснилось из разговоров, случается крайне редко и подобным наказывают только за убийство или умышленное нанесение тяжелого ранения. Каждый раз проводят показательное судилище, выносят приговор.

Взгляд скользнул по серым занавесям – серым, жирным, заплатам. Личные пространства напрямую отражают характер владельцев. Редко удастся увидеть внутреннее пространство занавешенных нар. Но если вдруг увидишь – сразу оценишь его владельца.

Вот нары с отдернутой шторой. Проветриваются. Самодельный матрас накрыт аккуратно сложенным одеялом, в каменной стене выбита длинная полочка, там стоит свеча, лежит пара старых книг, сложенная одежда. Тут живет аккуратист, дисциплинированный и чистоплотный. А вон и он, кстати, сидит за одним из хаотично разбросанных по Холлу столов, играет с кем-то в шашки. Чистая шерстяная гимнастерка, в расстегнутом вороте видна красная футболка, на голове красиво сидящая шапка. И сапоги у него всегда начищены до блеска. И бреется он через день, подолгу правя на ремне старенькую опасную бритву.

На другой стороне Холла небрежно сорванная штора, в гряде тряпья на нарах копошится серая от грязи старушка со всколоченными седыми волосами. Ее прозвали Бабой-ягой. Поговаривают, что в прошлом она была каким-то ученым, подающим большие надежды. Но это с ее слов. Может, была ученым. А может, помыла в лаборатории. Правды уже не узнать. Опустившаяся старушка ненавидима многими – за источаемую ею самой и ее жилищем нестерпимую вонь. Любые увещевания и споры бесполезны.

Я дернул рычаги еще раз. Пусть помещение прогреется получше. Сейчас здесь никак не больше пятнадцати градусов тепла. Для стариков температура низковатая. Опять же сыро. Кашель и хрипы раздаются со многих нар. Но жалеть здешних обитателей не стоит – если бы они исправно дергали все три расположенных здесь рычага, в Холле было бы куда теплее и суше. Вот только не хотят они. Лишь один рычаг из трех дергается регулярно – да и то только потому, что без него тут все выстудится и заледенеет. Умирать-то никому не хочется.

Раздавшийся звон гонга оживил сонное царство. А последовавший следом веселый крик заставил бабушек и дедушек двигаться побыстрее.

– Баланда с чайком! Баланда с чайком!

По лестнице спускалось шестеро крепких мужиков средних лет, несущие носилки. Это здешние. Рожденные здесь. И нет – они не потомки тех, кто

некогда пленил гигантское создание, заключив его в ледяной Столп, что высится над местными землями мрачной громадой горы. Нет. Они потомки узников. Тех, кто, получив свободу тем или иным путем – чаще всего чудом выжив при крушении, – был еще в возрасте, подходящем для деторождения. И для процесса зачатия. Эти потомки, подрастая, завели уже своих детишек.

Есть одна, но огромная и горькая проблема – тупые они. Здешние которые. Даже не тупые... недалекие? Тоже не то. И слова-то подходящего не подобрать. Не схватывают они, одним словом. Нет в них амбиций, нет стремлений. Я многого про них наслушался за прошедшие две недели. А позднее убедился, что львиная доля всех рассказов – чистая правда.

Рожденные здесь очень долго развиваются. Ребенок начинает вставать на ноги только к четырем, а некоторые и к пяти годам. Говорить чаще всего начинают годам к семи-восьми. Некоторые только к десяти годам произносят первое слово. С пониманием тоже беда. Зато послушные. Исполнительные. Доброжелательные. Агрессии в здесь рожденных ноль целых ноль десятых. Дай пощечину тридцатилетнему бугаю – схватится за щеку и со слезами заревет. Большие дети...

Почему так?

Столп.

Все грешат на него. Что-то самый главный здешний узник такое, мол, делает с окружающим пространством. Женщины с трудом беременеют, а когда рожают, то три ребенка из пяти мертворожденные. А рожденные живыми никогда не порадуют родителей блеском острого разума.

А ведь не рожать нельзя. Старость штука такая... рано или поздно самостоятельно обходиться не сможешь. Потребуется постоянный пригляд. И для этого отлично сгодятся не отличающиеся умом, зато сильные и выносливые детишки. Но есть что-то в этом необъяснимо подлое, противное – заранее знать, что твои дети вырастут умственно ограниченными, но не отказываться от их зачатия. Одно дело, когда родители узнают об аномалии плода в чреве матери – от врачей – и принимают взвешенное решение. Да и в «том» нашем мире о таких детях заботятся, их рожают не в качестве будущих слуг. Вот уж буквальное воплощение присказки «чтобы было кому воды в старости подать»...

Спущенные по лестнице носилки с едой опустились на пол. Пришедший с шестью улыбчивыми мужиками старик в сером костюме под длинным черным шерстяным плащом, демонстративно поправил галстук, сверкнув при этом браслетом золотых часов, коротко огляделся и взмахнул рукой.

– Баланда с чайком! Баланда с чайком! – без нужды повторил светловолосый мужик примерно моих лет, с сонной безмятежностью в зеленых глазах.

Я дернул рычаги. И вернувшись к лестнице, поднялся повыше и снова уселся на кусок старого ватника. Сейчас расспрашивать стариков бесполезно – время обеда. Каждый из живущих в Холле три раза в день получал бесплатную пищу. По большой миске густого и сытного супа и солидной кружке горячего напитка.

Настоящий дом престарелых... бюджетный, дешевенький...

Черт... два дня назад, угодив сюда впервые, стоя на пороге, ошеломленно щурясь от света и обрушившегося на меня дружного рева «Свободен!», я на миг подумал, что попал прямиком в Вальхаллу. Я видел лишь смутные силуэты сквозь прищуренные веки. Вот он воинский рай для достойных. И встретили нас самые настоящие Эйнхерии, те самые погибшие в бою доблестные воины отобранные Одином для зала славы. Тут они пируют в обществе валькирий, поедая мясо вепря Сехримнира и запивая его медвяным молоком из вымени козы Хейдрун, что щиплет листья мирового дерева Иггдрасиль... Сейчас меня хлопнут по плечу и усадят за длинный пиршественный стол...

Но я быстро проморгался, огляделся, принялся и понял, насколько сильно заблуждался.

Это не Вальхалла. Это трущобный дом престарелых.

Парни помоложе – работающие здесь беззлобные санитары. Старик в костюме и при золотых часах – здешний смотритель кухни. А все остальные – старенькие обитатели покорно доживающие свой век. Или погибающие раньше своего срока. Вчера сорвалась со второго этажа нар бабушка, упав на спину, ударившись затылком. Умерла через несколько часов. Ее замотали в личные тряпки, обвязали. Собравшиеся вокруг тела старики угрюмо постояли, понимая, что вскоре столь же незамысловатая церемония будет проведена и по ним. Почитали молитву, а следом тело умершей отнесли на здешнее кладбище и

опустили в стылую яму. Те, кто решился проводить усопшую в последний путь – я был среди них, – крикнули вслед телу: «Свободна!»

Ну да... теперь она обрела настоящую свободу. Окончательную. Но как по мне – бабушка предпочла бы еще пожить пару годков. Пусть даже в привратном Поселении, с его постоянными сквозняками и вечными сварами о рычагах.

Рычаги... рычаги... рычаги...

Никуда они не делись. Никуда. Зато здесь появился выбор – дергать или не дергать.

В холле Свободы установлены уцелевшие агрегаты разбившихся летающих келий. Три таких системы спрятано в глубоких нишах, пробитых в каменных стенах. Торчат рычаги. Все, что требуется, – разогнать все три системы до такого уровня, чтобы рычаги дергать приходилось пореже. И в Холле тогда всегда будет тепло и светло. Работа проведена гигантская, тяжелая, все сделано солидно. На, пользуйся, дергай рычаги и живи в тепле!

Не тут-то было...

Обитатели Поселения за рычаги дергать не желают. Потому как рычаги жизнь отбирают. И отбывшие по сорок лет в одиночном заключении старики больше не хотят быть «дровами», как они часто кричат в ссорах, касающихся рычагов. Чего я только не наслушался. Некоторые фразы даже записал.

Я тебе не дрова!

Другое полено поищи!

Мой уголек уже истлел! Дергать не буду!

Хватит с меня! Сорок лет в топке полыхал! Теперь пожить хочу!

Дергать не стану! Я человек, а не дрова!

Опять я? Ты меня за полено не считай! Сам дергай!

Я давно уж истлел! Не стану дергать!

Как мне удалось выяснить в разговорах, рычагов старики боятся до жути. И даже каким-то образом высчитали, что каждый рывок за рычаг отнимает у человека четыре дня жизни. Учитывая, что средний здешний возраст семьдесят лет... деньков жизни у стариков осталось мало. И отдавать их в обмен на тепло и свет никто не хочет. Уж лучше померзнуть, зато подольше пожить.

А еще эта страшилка про рычаги – что очень редко, мол, в чужеземном механизме происходит сбой, и тогда одно прикосновение к рычагу лишает тебя всей жизни. И падаешь на землю трупом. На этом моменте страшилки начинают добавляться подробностями – труп мгновенно иссушается, волосы разом выпадают...

Смех да и только. Но, как и у каждой страшилки, корни здешнего поверья растут из реальных историй.

Проблема в том, что, как мне охотно рассказали, у рычагов действительно часто умирают люди. Дернул рычаг, сделал пару шагов – и упал, схватившись за сердце. И это вполне нормально, на мой взгляд, и никак не связано с «высасыванием жизни». Просто людям в возрасте нервничать строжайше противопоказано. А тут рычаг... твоя очередь дергать... а рычаг четыре денька жизни заберет... а сколько у меня восьмидесятилетнего осталось? Может, всего три денька и есть... сердце стучит, старческие заостеневшие вены трещат, в голове пульсирует... дерг за рычаг! И получай инфаркт или инсульт – но не от рычага, а от излишних нервов и напряжения... Падаешь на холодный каменный пол, дергаешься разок другой и затихаешь, своей смертью усиливая легенды и страхи, связанные с рычагами.

Старики суеверны. Многие убежденные атеисты в молодости становятся яркими верующими в старости. Вон сколько тут икон. Красный угол поражает – там сотни икон всех возможных размеров. Сложная резьба на камне, десятки полочек идущих до потолка, поддерживающих иконы. Почти на каждой резной полочке высечено имя – сделавшего ее мастера. Дабы увековечить свое имя в памяти людской. Есть и свечи. Сейчас как раз пританцовывают четыре дрожащих огонька, перед ними три десятка старичков усердно кланяются,

крестятся. Стоящий чуть в стороне батюшка с длиннейшей седой бородой и волосами скрестил руки на животе, благостно наблюдает. Даже не батюшка, а настоятель монастыря и храма Христа Освободителя протоиерей Тихон Первый.

Вон и его «сообщники», как громогласно заявил лютый атеист и ненавистник всех религий Артем, старик, доживший почти до девяноста лет и планирующий дотянуть до векового юбилея – всем назло! – по его словам.

«Сообщниками» являлись монахи, что сейчас смиренно стояли в очереди за супом и чаем. Их черные одеяния видно издалека. «Монастырем» же являлась часть примыкающих к красному углу нар. Там монахи и жили во главе со своим настоятелем. Регулярно молились, поддерживали у икон и своих нар идеальную чистоту. Каждый день молебны, песнопения, молитвы за упокой и здравие.

Я человек пытливый. Любознательный. И быстро узнал, что свечи поставляются храму бесплатно. Не в неограниченном количестве, конечно, но огоньки в красном углу не тухнут. Свечи жировые. Из жира местных медведей. Производятся прямо в Бункере – в той его части, куда мне хода нет.

Бункер разделен на три части. Холл Свободы, он же Поселение. В Холле живут те, кто не может оплатить себе проживание в центральной его части. И те, кто не обладает никакими нужными рабочими навыками. Холл регулярно снабжается горячей едой и питьем. Силком здесь никого не держат. Но какой дурак отправится в снежные пустоши на верную смерть?

Центр – для тех, кто ступенькой повыше, – в их число вхожу и я. Здесь обитают бывшие сидельцы, сумевшие оплатить пожизненный взнос золотом или иными ценными предметами. Либо те, чьи умения и навыки настолько полезны общине, что получают право здесь жить, и впоследствии остаются в Центре навсегда. Это лабиринт коротких улочек и комнатушек, выбитых в податливом камне. Подземный городок с большим центральным помещением для приема пищи и совместных посиделок.

Замок – и третья самая закрытая часть, где живет правящий Бункером совет с ближайшей свитой. Это все, что про них известно.

Про себя я с иронией называю живущих в Замке Королевской Семейей. Вслух же вообще никак не комментирую. Мне нужно время, чтобы разобраться с новыми

реалиями. И пока я складываю мысленный пазл, мне лучше держаться подальше от любой из сторон, избегать диспутов о властях, не лезть с непрошенными советами. Поэтому сейчас я преследую сугубо приземленные прагматичные цели. Отсюда и список вопросов.

– День добрый, – рядом со мной уселся моложаво выглядящий дед.

Чистоплотен. Заметно по одежде – камуфляжные старые штаны, вязаный свитер камышового цвета, меховая шапка, легкая парусиновая куртка. На руках перчатки без пальцев, ладони греются о металлическую миску, полную супа. На ступеньку рядом бережно опущена стеклянная кофейная кружка с надписью «Лучший Босс».

– Добрый день, – вежливо отозвался я.

– Ну ты редкость ходячая! Молодой, свободный и не тупой! В наших краях случай редчайший... – покрутил головой дедок и окунул ложку в суп. – А ты чего не ешь?

– Я там поем, – ткнул я большим пальцем через плечо, указывая на статую освобожденного узника, за которой находился вход в Центр.

– А... так ты из центровых будешь. Проплатил?

– Иначе никак. Проплатил.

– Там, правда, суп погуще, а чай послаще?

– Есть немного, – не стал лукавить я. – Кормят сытнее.

– У нас же сплошь суп-пюре, – хохотнул старик. – Но хоть вкус каждый день разный. Да оно и к лучшему, что суп-пюре – у двух третей здешнего сброда зубов не осталось. Дай мяса кусок – сжевать не смогут. А суп хорош. Его еще и жиром заправляют медвежьим. Сытность надолго дает. Пока жир не кончится... а запасы, говорят, к концу подходят? Медвежьего мяса и сальца?

Вот истинная цель разговора. Дед изначально знал, что я из центровых, как здесь называют жителей Центра. И хотел выяснить, верны ли слухи про

заканчивающиеся медвежьи мясо и жир, являющиеся основой здешнего меню. Сплетни-то тревожные. Учитывая зябкую температуру в Холле, еда должна быть жирной и сытной.

– Охоты не было давно, – нейтрально заметил я. – Вроде больше месяца назад последнего медведя завалили?

– Шесть недель тому как, – вздохнул дед. – Да-а-а... плохи наши дела. И что? Чешутся там касательно следующей охоты?

– Не особо. Просто болтают, – ответил я чистую правду. – Что пора бы, мол, и сходить. Но пока просто разговоры.

– А ты пойдешь? Молодой, сильный, – на меня в упор глянули начавшие выцветать глаза. – И не тупой, что самое главное. Здешняя молодежь только лыбиться может. И больше ничего. Вон... – Морщинистый палец указал на счастливо улыбающегося парня, внимательно разглядывающего узор на ковровой занавеске прикрывающей одну из нар. Узор он разглядывал уже минут пять, ни разу не оторвав взора. И так счастливо при этом улыбался, будто нашел свое истинное жизненное предназначение.

– Я бы сходил, – спокойно улыбнулся я. – Но только не на авось.

– А это еще как?

– В смысле – прежде хочу знать каждую подробность, каждую опасность, что может подстергать. Соваться туда без знаний – только смерть кликать. А я пока жить хочу.

– Все хотят. И жить, и супчик с медвежьим жиром хлебать. Так... – Старик хлопнул ладонью по худому колену, оглядел Холл, ненадолго задерживая взгляд на тех, кто ему казался могущим оказаться чем-то полезным. Его оглядывание окончилось сокрушенным вздохом и плевок под ноги. Не нашел никого подходящего. И тогда он обратил взор вверх, уставившись на потолок.

– Там твои знания.

– Знаю, – хмыкнул я. – Да только не принимают они посетителей.

Под потолком холла, рядом с решеткой отопительной системы, была подвешена небольшая хижина. Костяные полы и стены, тряпичный верх, пара окошек и даже небольшая веранда, где имелось самодельное кресло с широкими подлокотниками. От веранды шел до стены узкий подвесной мостик. Зрелище удивительнейшее, не каждый день увидишь подвешенную к потолку колоритнейшую постройку. Сейчас окна и дверь закрыты, веранда пустовала. Хозяин изволит отдыхать. Это особенно заметно по подвешенной в начале подвесного мостика картонке с красными буквами «Пошли на хрен!».

В хижине обитал главный охотник и умелец по этому делу, ныне вышедший на покой. Хижину он построил самостоятельно, потратив на это немало лет. Медвежьи кости, части их шкур, выменянные тряпки и деревяшки – все пошло в дело.

О хозяине хижины и ее хозяине здешние обитатели были готовы говорить часами, и в голосе почти каждого слышалось брюзгливое раздражение и отчетливая зависть.

Раздражение прорывалось наружу, когда какая-нибудь старушка или дедушка вспоминали, что до того, как главный охотник вышел на покой, у них в супе было куда больше вкусного разваренного мяса. И что, мол, чего это он вдруг вздумал уйти на покой? Пусть и дальше охотится! Ведь общество хочет кушать!

А зависть проявлялась при обсуждении странной, но ладно построенной хижины и оттого, что она была так высоко. Старики желчно обсуждали привычку хозяина хижины посиживать на веранде и смотреть на жителей Холла сверху вниз, попивая чай или чего покрепче.

Бывший главный охотник уж точно знает все тонкости своего дела и может обучить. Я даже поднимался разок до мостика. Но поглазев минут десять на картонку с недвусмысленным посылом, предпочел спуститься, стараясь беречь еще не зажившие толком пальцы.

– Картонка еще на месте, – указал я на мостик.

– Зато ставни открылись, – указал старик. – Проветривает обиталище свое, Пердун Небесный.

– Пердун Небесный? – кашлянул я. – Его же вроде Антипием кличут.

– Антипий, Антипий, – закивал старик. – Это мы шутим так. Сам посуди – хижина его у решетки обогревателей. Горячий воздух сначала его хижину нагревает, только потом по сторонам расходится и вниз спускается. Потому, стоит кому из нас воздух испортить, сразу рукой вверх машут – Пердун Небесный, мол, это, а не я. Воздухом запах принесло.

– Как бы мне с ним поговорить...

– Так возьми супа и чаю пока не кончились да отнеси, – посоветовал старик и глянул на меня с надеждой. – Он много знает про охоту! Ой много! Может, ты его и заменишь.

– Попробую, – кивнул я, встав с лестницы. – Так... мне бы миску побольше и почище. И кружку такую же.

– Сделаем! Ради общества ведь стараемся! Ради общего блага! – засуетился дедок и проворно засеменил к седой компании, поджидающей его за столом неподалеку.

– Ради общего блага, – тихо повторил я ему вслед.

Да нет. Не совсем, дедушка, не совсем. Ради себя вы стараетесь. Прозорливые вы, подозрительные. Заметили, что давненько на охоту никто не ходит. И понимаете, что рано или поздно мясные запасы подойдут к концу. И тогда всем придется затянуть потуже пояса. Суп, не заправленный мясом и жиром при здешней холодрыге... это не еда. Начнутся болезни. А старикам болеть нельзя. Любая мелкая хворь их запросто в могилу сведет. И они это знают. Вот и пытаются побыстрее как-нибудь снарядить охоту из добровольцев, которыми сами не являются и ни за что наружу не сунутся. А тут я подвернулся – молодой, здоровый, да еще и не тупой. Вот бы меня подучить, сагитировать и выпнуть в медвежьи объятия с несколькими такими же недотепами...

Через пару минут мне вручили посуду с супом и чаем. Заискивающе поулыбались, показали, откуда легче подняться, предупредили о пошатывающейся ржавой стойке у третьего яруса нар. Подсказали, как быстрее передвигаться, если руки заняты тарой – куда ставить кружку и тарелку, как нагибаться и, удерживая себя одной рукой, другой поднимать поочередно тарелку и кружку. Старики сделали все необходимое, чтобы поднять меня к потолку как можно быстрее.

Ничего не уронив и даже не расплескав, легко поднялся. Довольный собой, широко улыбнулся – тренировки с гирей и пробежки дали о себе знать. Я даже не запыхался.

– Чего лыбишься, кретин?! Проворным и сильным быть мало! Еще мозги нужны! А вам, имбецилам, их не додали! – хриплый недовольный голос донесся от хижины, мягко раскрылась дверь, на веранду ступила худощавая высокая фигура. – За чай и суп спасибо. Ставь – и вали.

– Вот спасибо вам за слова добрые, господин главный охотник, – усмехнулся я, послушно опуская тарелки рядом с мостиком. – Приятного аппетита. Если позднее настроение появится – был бы не прочь побеседовать. На тему связанную с охотой на здешних мишек косолапых.

Повернулся и начал спускаться. Но меня остановил не скрывающий удивления голос:

– А ну стой. Ниче себе... так ты не debil, что ли? То-то думаю лицо незнакомое... ты кто такой парень? И чего такой умный?

– Я? Сиделец, как все, – остановил я спуск. – Просто освободился раньше.

– Твою так... и насколько раньше?

– Годков на сорок, – широко улыбнулся я. – Да подумал – чего там сидеть? Скучно. Места мало. Вот и вышел наружу.

– Так... вот это новости... побег? Или после крушения повезло выжить в целости и сохранности?

– Побег.

– И успешный! Да еще и молодость не растерял... я вот все сорок лет отмотал... давай-ка назад. Неси суп. Посидим на веранде, побалакаем. Долго же я отдыхал. Столько всего пропустил... Когда сюда явился? Один?

– Нас трое прибыло.

– Ого... – указывая на кресло, покачал головой старик. – Присаживайся. Те двое, как и ты, столь же молодые, сильные и вроде бы умные?

– Вроде бы умные, – рассмеялся я, показывая, что оценил беззлобную шутку. – На мозги они точно не жалуются. А вот годки... одному скоро шестьдесят. Другой постарше. Оба недавно получили неслабые ранения. Красный Арни – так зовут первого – сломал ногу. Но его лечат и говорят, что не останется даже хромоты. Вот только на охоту он вряд ли пойдет. И характер не тот. И занят он в Замке.

– В Замке? А туда новичка как так быстро занесло? Ты сам-то с Холла?

– Я в Центре обитаю. Заплатил взнос пожизненный. И живу. Как Арни в Замок попал? Эту сказку не знаю. Но у него здесь хороший знакомый. Связи решают все – даже здесь.

– Ясно... а второй из твоих товарищей? Он как? Крепок? Решителен?

– Крепок. И решителен. На медвежью охоту запросто пошел бы. Но не пойдет. Во всяком случае, пока.

– А что так?

– Его тюремщики ранили. Иглами какими-то. Началось заражение. Так что он вроде в сознании, но температура зашкаливает, едва сбивают. У вас ничего жаропонижающего нет? Я бы купил.

– Чего нет того нет. Хм... разве что травка одна может ему помочь. Но ту травку еще сыскать надо.

– Травка? – поразился я. – Где? В здешних снегах?

– А под снегом земля, – улыбнулся старик. – Слушай... как тебя зовут-то?

– Гниловоз.

– О как, – крикнул охотник. – Редко кто по доброй воле такое прозвище выберет. А меня Антипий. Ты не обскажешь всю вашу историю, пока я суп хлебаю?

– Да не проблема. Так... Если с самого начала, то...

Я пересказал Антипию все случившееся со мной. Как попал в забитую льдом летающую келью, как догадался, что надо дергать за рычаги. О том, как келья ожила, начала двигаться и подниматься. О встречах с сидельцами и об их вывернутой извратившейся за долгие годы тюрьмы психике. О том, как познакомился с Красным Арни, получив от него важнейшую информацию о старой модели своего креста. И о том, что произошло дальше, вплоть до падения и прибытия в Бункер.

Поняв, что старик неторопливо прихлебывает супчик и с интересом слушает, начал описывать последовавшие события. И описывал с удовольствием, тщательно фильтруя рассказываемое, чтобы не ляпнуть лишнего. И радовался возможности высказаться. Это поможет мне привести мысли в порядок.

Рассказал, как нас приняли, прокричав «Свободен!», после чего повели вверх по лестнице, и мы шагали провожаемые десятками взглядом. Поднявшись наверх, прошли через еще одни охраняемые ворота и оказались в Центре. Тут мы и остановились, для начала угодив в лазарет, где нам оказали первую медицинскую помощь. Заплатив положенный сбор, мы навсегда поднялись на ступеньку выше, став жителями Центра. Нас с Шерифом определили в небольшую комнату с двумя кроватями, столом и парой шкафом. Ну еще с дверью и намалеванным на стене окном с занавесками.

Удобства общие, в коридоре. Но все чисто. Есть кому убираться. Эта комната с нарисованным окном теперь наше постоянное жилище. Раз в месяц каждый из нас должен дергать рычаг. Или же платить небольшую плату тому, кто согласится дернуть за тебя. Питание, как и в Холле, общее, в центральном большом зале с нарисованными на стенах рыцарями, прекрасными дамами,

каминами, звездами на потолке, летящими пухлыми ангелочками, вооруженными копьями и луками и много чем еще. Особенно меня впечатлил рисунок красного «феррари» с зажженными фарами и высовывающимся из окна старым улыбающимся водителем в черных очках и с кубинской сигарой во рту.

Питание, кстати, почти такое же, как и в холле Свободы. Разве что у нас еще зеленый салат имеется. И порой дают пару фруктов.

Мои впечатления? Ну... очень сильно похоже на потусторонний дом престарелых... вот прямо очень...

Особенно с утра, когда приходишь в зал и видишь торопливо ковыляющих по коридору старичков, вытянувших шеи словно гуси, не желающих опоздать на раздачу горячего супа и гадающих, будут ли сегодня выдаваться яблоки. Да и позже впечатления не ослабевают – старички остаются в центральном зале, рассаживаются группками или парами за столы, берутся за карты, стучат шашками и беззвучно передвигают шахматные фигуры. Кто-то читает, беря книги из большого шкафа у стены. И так продолжается до самого вечера – с перерывом на обед. Затем ужин. И зевающие старички расходятся по комнатам. Чтобы завтра повторить все с самого начала...

Распорядок железный. Не меняется. Ухаживают за старичками рожденные здесь мальчики и девушки, или же, как их еще называют, иванушки и аленушки. По аналогии с Иванушкой-дурачком – персонажем веселым, добрым, но недалеким. И эти сказочные персонажи очень уж сильно напоминают мне санитаров.

Короче говоря, как не крути, как не вслушивайся с восторгом в многообещающее название «Бункер», по сути, все, что я здесь увидел, представляет собой два соседствующих заведения для престарелых. Первое совсем уж бюджетненькое, можно сказать, муниципальное. А второе – в Центре – уже рангом повыше. Подороже. И кормят лучше, и обслуживание качественней. М-да... но сути не меняет. Я в богадельне. Здесь никто никуда не стремится. И здесь никто ни о чем не помышляет, кроме количества медвежьего жира в супе.

То, о чем я не сказал главному охотнику, но о чем неотступно думал, изучив Холл и Центр... в этих двух зонах ничего не производилось. Вообще. Даже кухня, где готовилась пища для всего Бункера, находилась в Замке. Еда доставлялась оттуда через ненадолго открывавшиеся ворота, постоянно охраняемые

четырьмя пожилыми, но крепкими с виду и вооруженными огнестрельным оружием мужчинами, которые, между прочим, жили в Замке и почти не общались с обитателями остальных зон Бункера.

Еще одна потенциально плохая новость для любого жителя – ворота, ведущие в Замок, были двойными. Успел я подглядеть. За первыми воротами пятишаговый коридор. И еще одни ворота. Причем, судя по увиденному, ворота никогда не открываются одновременно. Строго по очереди.

И это меня напрягало. Сильно напрягало, хотя я не переставал улыбаться с того момента, как оказался здесь, понимая, что за мной наблюдают. Поэтому я избегал любой критики текущего уклада жизни в Бункере, не забывал иногда хвастаться – вот я какой крутой, убежал молодым! Охотно принимал пищу, играл в шашки и шахматы с жителями Холла и Центра, потихоньку узнавая здешнюю жизнь в деталях и категорически запретив себе что-либо спрашивать про Замок. Захотят – расскажут. А я послушаю. Я параноик. И в каждом улыбающемся мне местном обитателе вижу шпиона с Замка. Учítывая закрытость Замка, – у них обязаны быть тут «наседки». Те, кто будет внимательно слушать, запоминать, фильтровать, оценивать общее настроение и раз в недельку докладывать кому надо.

А еще я очень и очень отчетливо представил себе, что произойдет, если Замок вдруг в один прекрасный день захлопнет ворота и больше не откроет их.

Это конец Холлу и Центру. Медленная смерть от голода.

Другого исхода нет.

В Замке все. Склады, мастерские, кухни, кладовки с припасами, оранжереи и теплицы, если судить по подаваемым к столу зелени и фруктам. Замок не зависит от нас. Тогда как мы зависим от него полностью. И я почти уверен, что у Замка есть еще один выход на поверхность – тайный и хорошо замаскированный. Это логично. И вполне в духе средневековых лордов, живущих в замках. А еще я уверен, об этом оглушительно кричит моя паранойя, что жители Замка имеют тайный доступ к машинам, дающим нам свет и тепло. И в случае чего смогут моментально вывести машины из строя. И тогда пропадет не только еда. Исчезнут свет и тепло.

И вот тогда придет конец всему. Несколько дней – и в живых останутся самые стойкие.

Еще неделька – и Центр с Холлом превратятся в промерзшие кладбища.

Стоило мне это понять, и я тут же начал действовать.

Составил список необходимых предметов и знаний. Поделил список на четыре части. И начал прорабатывать часть за частью. Сейчас мне срочно требовались навыки выживания в здешних снежных пустошах. Я там уже побывал. Зима как зима. Но вот ветра и зверюшки... это нечто прямо неземное и страшное. Выжил чудом. И своих сумел дотащить, не бросил. И понял – я знаю об окружающем мире слишком мало.

Стать умелым охотником – одно из моих текущих заветных желаний. Я обязан уметь добыть пропитание, чтобы не быть зависимым от Замка. И при добывании пищи очень хотелось бы обойтись без ранений. И никакой смерти в когтях здешних медведей. Это же попросту тупо сбежать с воздушной тюрьмы, чтобы стать завтраком беззубого гризли!

Ничего из мыслей я главному охотнику, само собой, рассказывать не стал. Ограничился перечислением фактов. И этого оказалось достаточным, чтобы Антипий сделал свой вывод касательно меня.

– Подойдешь! – решительно заявил он. – Ты – подойдешь.

– Потому что я молодой, сильный и не тупой? – поинтересовался я.

– Именно. И потому что смелый. А это в медвежьей охоте главное! Тут тебе не там! Там мужики вооружаются автоматическими винтовками и за минуту превращают зверя в решето, стреляя с безопасного расстояния. Зато потом как дома врут! И зверь, мол, подскочил, пасть разинул, а я в упор, в упор его! Ага. А на шкуру глянешь – дыра на дыре. Тьфу! Из таких людей справно охотника не получится. Ты вот про тонкости спрашиваешь, верно?

– Есть такое. Хочу знать, как правильно охотиться в этих условиях.

– А особых тонкостей и нет, парень! Нету! Тут главное быть наблюдательным, приметливым, а когда придет время – еще и решительным. И умным еще надо быть. Охотник обязан быть умным! Я почему перестал охотиться?

– М?

– Потому, что умный! И жить хочу! Раньше ходил на охоту с двумя мужиками что еще постарше меня – под девяносто с лишним им было! И ведь спокойно валили огромного зверя! А как помощники мои на кладбище отправились, так и я отставку взял. Потому как жить хочу! Насмотрелся я на других охотничков. Тьфу! Такие и тебя загубят, и сами полягут. А оно мне надо?

– Нет, – четко ответил я. – Не надо. И мне тоже не надо. Я тоже жить хочу.

– Во-о-от! – поднял палец охотник. – Именно! Потому есть у меня к тебе предложение.

Всем своим видом я показал, что готов слушать. И старый охотник продолжил:

– Сходим на охоту!

– Вот так запросто? – удивился я.

– Нет, конечно, – хрипло засмеялся Антипий. – Куда там! Но словами тут не объяснить. Улавливаешь? Начинать надо с практики. Так меня учили в свое время. И с маленьких зверей. Медведи ведь разные бывают. Найдем мишутку килограмм под сто – и завалим. Они еще глупые, медлительные. Самое то для нас. Зверя завалим. Притащим в Холл. Приготовим и устроим большой ужин для всех здешних доходяг, что сейчас смотрят на нас, открыв рты, и все ждут, о чем мы с тобой договоримся.

Перегнувшись через перила веранды, я глянул вниз. Действительно... старички прохаживались, играли в карты и шашки, читали старые книги, о чем-то зло спорили, стояли в очередь к отхожему месту. И нет-нет поглядывали вверх. На старую охотничью хижину, подвешенную под потолком. Ждут... надеются...

Но вот так сразу отправиться на дело. А как же часы теоретического обучения? Отставной охотник точно в своем умении?

Пристально поглядев на Антипия, ненадолго задумался. Потерпев минутку, он не выдержал:

– Ну?

– Мяса свежего добыть надо, – подытожил я. – Согласен. Когда?

– А чего тянуть? – цыкнул зубом охотник. – Через час и выйдем.

– Ого...

– Я решения быстро принимаю. Тут только так надо. Послабления себе давать нельзя! Медлительность губит. И лень к хорошему не приведет. Вот ты как думаешь, чего я под потолком хижину подвесил?

– Все хотел спросить, – признался я.

– А чтобы мышцы нагружать! Чтобы силушка не уходила. Раз пять за день вверх-вниз прогуляешься – и кровь по жилам загуляет, мышцы загудят. Мне стоит намекнуть – и лучшие нары для меня освободят! Хоть здесь, хоть в Центре. Ну и... чтобы поменьше слушать их стариковский треп, – махнул рукой Антипий. – Они поболтать любят. Да и я порой люблю языком почесать. Но периодически! А они постоянно! Улавливаешь разницу?

– Улавливаю. А почему не в Центре? – не удержался я еще от одного вопроса. – Там отдельные комнаты. Дверь закрыли – и вот уединение. Тепло, кормят лучше, пейзажи всякие нарисованные, ребятишки молодые прислуживают, помогают немощным, да и просто за тапками послать – сбегает.

– Ага... сам смекни, как все это вместе выглядит. Тебе на ум что приходит?

– Дом престарелых.

– А мне – хоспис! – отрезал охотник, шлепнув жесткой ладонью по перилам. – Хоспис! Для неизлечимо больных, что терпеливо ждут только одного – смерти!

– Хм... – кашлянул я. – Ну...

– Поймешь еще! Здесь, в Холле, хоть какое-то подобие жизни. А там... там просто существование. В Центр меня звали. Да я не пошел. Мне и здесь неплохо. Было б еще чтыва побольше. Да оживили бы телик наконец! Тогда бы почаще спускался.

– Телик?

– Видеодвойка. Раньше такие в ходу были, может, вспомнишь. В одном корпусе телевизор и видеомаягнитофон. И кассеты ведь есть. Штук шесть. Одна кассета даже с порно, хе-хе... но сломалось там что-то. Ты не разбираешься?

– Нет, к сожалению. А может, в Замок отдать? Там наверняка есть те, кто в электронике понимает.

– Ага. Щас! Им отдашь – и все, пропал телек! Скажут – починить не получилось, извиняйте. И все. В Замке и видеокассеты есть поговаривают. Да они разве чем поделаются? А книги есть какие? Я с возвратом.

– Несколько штук есть, – кивнул я.

– Вот это дело! Может, повезет и попадется хоть что-то не читанное пятьдесят раз, – вздохнул охотник. – Но это потом. Так что насчет охоты, молодой, сильный и даже не тупой? Сходим?

– Сходим, – встал я. – Через сколько быть?

– А минут через сорок – у ворот. У гостевого угла. Там кое-чего поясню тебе и еще одному парнише. Ну как парнише... семьдесят с лишним годов ему. Но вроде не трус и ходит без палки.

– Буду, – коротко сказал я и покинул веранду.

Гостевой угол... он для тех, кто прибыл в Бункер, но не собирается в нем оставаться постоянно. В первую очередь угол предназначен для тех, кто явно прибыл сюда не с нашего мира. А там, у них, в свою очередь, есть такой же угол, где накормят и обогреют путников стремящихся объединиться со своими земляками. Всего тут вроде как не меньше пяти поселений, разбросанных там и сям вокруг Столпа. Между поселениями есть даже кое-какая торговля, по слухам. Ох и в странный же мир я угодил... ох и в странный...

Спустившись, едва не столкнулся с давешним старичком. Хлопнул себя по лбу:

– Посуду вашу забыл.

– Антипий отдаст, – отмахнулся тот. – Охота... с охотой-то что? А?

– Через час выходим, – улыбнулся я. – На охоту за маленьким мишкой.

– Ох! – обрадовался старик, хлопнув себя ладонями по ляжкам. – Ох! А мясо... мясо сразу в Замок, да? Аль как решили?

– Да вроде здесь Антипий готовить решил. Но точно не знаю.

– Котел на всякий случай приготовим, – шумно сглотнул слюну старик. – Водички из снега натопим. Дрова! Коли встретится что – прихватите! Дров в обрез. А наших наружу не выгонишь... Дрова обязательно, ребятушки! А я уж такой ужин приготовлю – пальчики оближете! Ох радость! Мясца пожую жирного...

– Посмотрю, – кивнул я и заторопился к лестнице.

Надо одеваться. И потеплее. Дрова... откуда тут дрова? Не посреди леса живем. Тут ведь настоящая Антарктика. А старик говорит с такой уверенностью...

Ладно. Дойдет и до этого. Там и разберемся...

Шериф встретил меня бодрым приветствием. Ответив, я оглядел его с ног до головы. И вздохнул огорченно:

– Никак?

– Да все неможется и неможется, – скривился Шериф. – Прямо занедужил. Но ты не переживай – прорвемся! Раз уж раньше срока сюда угодил, день напролет в постели валяться не собираюсь. Завтра уже делами займусь. Хотя бы вещи разберу. А то так и свалены в углу.

Я покосился на угол, где не свалены, а аккуратно сложены были пожитки Шерифа.

– Потому и трогать не стал, – заявил я уверенно. – Как поправишься – сам разберешься. А я на охоту!

– Ох ты, – подпрыгнул старик и попытался встать, но я не позволил, надавив ему мягко на плечо.

– Не торопись, Шериф. Даже молодые ковбои после ранений сразу в седло не вскакивали. Фильмы не смотрел, что ли? Их сначала перевязывали, а затем они пили виски и отлеживались на втором этаже трактира вместе с танцовщицами кордебалета, уставшими от канкана.

Шериф захохотал. Охнул от боли в плече, но смеяться не перестал.

– А охота... – Я пожал плечами. – Сам пока не знаю ничего толком. Бывший главный охотник, что недавно ушел в отставку, решил вернуться к охоте после разговора со мной. Потому что я молодой, сильный, смелый и даже не тупой.

– Даже не тупой? Ну и фраза...

– Ага. Прямо популярное выражение, блин. Даже не тупой... Сходить на охоту надо. И мне польза и Бункеру. С уходом главного добытчика охотиться тут стали редко. Раз в пару месяцев. И потому суп стал не такой жирный, как прежде...

– Да мне уже все уши прожужжали девушки об этом супе, – махнул здоровой рукой Шериф. – Тьфу!

Хотя недовольным он не выглядел – все же общение. Да еще и с противоположным полом. Я вообще удивлен, что, придя сюда, застал его в одиночестве. Обычно тут как минимум три девушки сидят рядом с кроватью,

если слово «девушки» вообще может употребляться по отношению к кокетливым смешливым старушкам возрастом под восемьдесят.

– На кой тебе эта охота? – вздохнул Шериф. – Риску мало было в последнее время?

– Новое умение всегда пригодится. А риск... потому и пойду на охоту только с профессионалом, что от глупых действий удержит. Умирать не хочу.

– Ты уж будь осторожней. А я здесь пока полежу. На вахте. И за вещичками твоими пригляжу.

– Договорились, – улыбнулся я, заматываясь в старое верное одеяло. – Помочь сходить, куда требуется?

– Да сводили меня уже.

– Девушки?

– Да ну! Конфуз какой, чтобы меня девушки к отхожему месту провожали! Есть тут один шашист... он и помог в перерыве между партиями. Скоро опять придет – жаждет реванша.

– Вот и отлично. Скучать не придется. Ладно. Побежал я.

Хорошенько одевшись, вышел из комнаты и, пройдя коридором, миновал следом полупустой центральный зал, преодолел еще один коридор и оказался у распахнутых ворот, рядом со статуей и началом лестницы, ведущей в Холл. Не переставал удивляться – работа проделана громаднейшая. Вряд ли тут работали отбойными молотками. Здесь камень стесывали вручную. И зубила с молотками держали руки стариков. Работа заняла долгие годы.

Чем мотивировали на работу?

Увеличенными продовольственными пайками? Гражданством в Центре?

И как же звали того хитреца, кто придумал всю систему Бункера? Это сразу бросающееся в глаза разделение на три неравные по территории и удобствам зоны.

Так и просится на язык словечко «каста».

Мне нужно куда больше информации. Немало времени прошло почти впустую – но я хотя бы зарастил свои раны и немного огляделся. Сегодня первый прорыв. И первый шанс научиться чему-то новому...

Глава вторая

Холодно. Пронзительно холодно. Порывы не слишком сильного ветра норовят забраться за воротник, в рукава, пробить брешь в старой, заплатанной ткани. Я размеренно дышу в закрывающий нижнюю часть лица шарф, обмотанный и вокруг фуражки. Слух от этого страдает. Зато уши не отморожу. Как холодно сейчас? Где-то минус двадцать с небольшим? Это более чем терпимо.

За моей спиной громада Столпа, отсюда кажущегося просто стеной или даже границей нашего мира. Мне чудится, что Столп наблюдает за мной. И снова в ушах шепот... я уже успел отвыкнуть от него – от неумолчного гласа этого мира. Слышал, что кто-то в попытке избавиться от несмолкающего голоса в голове, пробил себе барабанные перепонки. Но ему это не помогло.

– Не подведи, Федуня! – в пятый раз предупредил Антипий, снимая меховые рукавицы и оставаясь в тонких вязаных перчатках.

– Сделаю как надо, – со спокойной и несколько безразличной уверенностью ответил сутулый старик в длинной болоньевой куртке с капюшоном. Под курткой несколько свитеров и кофт, раздувших его фигуру. На голове ушанка, поверх повязан платок, вокруг шеи толстый серый шарф. Из-под куртки торчат ватные штаны и сапоги. Федуню одевали всем Холлом и теплой одежды не пожалели. И стал он похож на одного из отступающего из суровой снежной России вражеского солдата. Как, впрочем, и я – чего только стоит повязанный вокруг фуражки шарф...

– Мне ничего не скажешь? – после короткой паузы осведомился я, тщательно пряча легкую нервозность.

Вернувшегося к работе охотника мой спокойный тон не обманул. Блеснули глаза. Из-под козырька обшитой мехом бейсболки внимательно оценили меня, успокоено мигнули:

– Не побежишь. Это видно. Сдохнешь, но не побежишь. Знаю таких, как ты. На охоте чаще всего погибают.

– Вот спасибо, – усмехнулся я и покрепче сжал в руках роговую рогатину.

Оружие удивительное. Сделано талантливо. Несколько длинных толстых костей умело соединены воедино с помощью толстой проволоки. Древко чрезмерно длинное – три метра! И сразу становится ясно, почему на это дело требуются люди сильные и выносливые – рогатина весит немало. Ее и на плече-то сюда тащить тяжело было. А орудовать ею, втыкать, удерживать, тащить на себя и толкать... это не каждому по силам.

Еще раз поблагодарил себя за усердные занятия с гирей и чуть тоскливо глянул в окружающую нас густую снежную муть. Где-то там, километрах в шести от входа в Бункер лежит на склоне холма мой разбитый крест... там остались кое-какие вещи, лежит где-то в углу гиря, торчат замерзшие яблоневые ростки – хотя три штуки, несколько поломанные от поспешного впихивания в мешок, я все же сумел притащить с собой. Теперь они растут в нашей с Шерифом комнате. И за здоровье ростков переживать не приходится – вокруг суется множество посетителей, и каждый норовит позаботиться о саженцах... которые, как мне показались, в тепле Бункера начали быстро чахнуть. Может, повредил при переноске? Опять же на холоде были долгое время... подмерзли...

Голос Антипий вырвал меня из раздумий. Цепко глянувший на меня охотник рассердился:

– А вот сейчас и тебе скажу – выкинь все лишнее из головы! На охоте про постороннее думать нельзя! Запомни! Навсегда зарубку в памяти сделай! Иначе все тут поляжем и станем кормом для медведей! А те куски, что они не переварят, дожрут снежные черви! Понял?!

– Понял, – кивнул я и шутливо козырнул, приложив пальцы к козырьку фуражки. – Прошу прощения. Мысли в голове. Роятся.

– Это вот они роятся. И пусть себе – им все одно делать больше нечего. А мы о деле думать должны! – Старик ткнул пальцем в небо. И мы дружно задрали головы.

Да. Тут было на что посмотреть.

Небо здесь редко увидишь. Погоды не те. Но изредка – как сегодня – случается так, что ветер немного успокаивается, облака немного расходятся и между ними образуются прорехи, сквозь которые падают столбы яркого солнечного света. Они в свою очередь разгоняют льдистую муть, повисшую над землей. И свет добирается до земли, освещая место, где мы живем.

С высоты полета тут все выглядело иначе. Менее жутко. Менее депрессивно.

Снежные и ледяные поля перемежаются торосистыми участками, настолько широкими и изломанными, что лучше обойти стороной, чем пытаться преодолеть. Унылые равнины разбавлены понатыканными холмами различной высоты. Некоторые более чем высоки – достигают до двухсот и трехсот метров, их уже можно назвать небольшими горами. В одну из таких гор я и воткнул свой крест, когда летающая келья отказалась снижаться.

Километрах в пяти от нас по снегу разбросаны ужасные свидетельства многовекового пребывания здесь узников – разбитые кресты. Они лежат целыми слоями, порой поднимаясь до высоты в десять и больше метров. Разбитые кресты, падая и падая с небес, образовали со временем невысокую и прерывистую круговую стену вокруг Столпа и вокруг поселений. Круговая стена из железа, камня и трупов. К стене лучше не соваться – здешние обитатели не дураки и давно уже пристрастились к свежей и мороженой человечине. Медведи и снежные черви – они все время у стены и, как недавно сказал Антипий, медведи отчетливо реагируют на громкий «бум» и сотрясение почвы, вызываемые очередным падением креста. И сразу выдвигаются к источнику шума, стремясь опередить снежных червей.

Круговая черта из разбитых крестов служит границей нашего мира, где Столп – его центр.

Что лежит за границей?

Никто не знает. Но туда уходило не меньше шести экспедиций только при Антипии. Освободившиеся старики не хотели проводить остаток жизни в снегах и хотели потребовать компенсации за сорок лет жизни и билеты домой. Они ушли. И не вернулись. Канули в неизвестность. Кто знает, что с ними стало. Но Антипий полагал, что далеко они не ушли и их попросту сожрали. Местность здесь дикая, холодная. И тянется так на многие-многие километры – пару раз он взбирался на круговую стену и смотрел вдаль через старенький бинокль. Но не увидел ничего, кроме льда и снега. Сколько дней смогут шагать старики? Сколько километров смогут преодолеть?

То-то и оно...

Если куда-то и отправляться в поисках справедливости – то только на транспорте. Сойдут и нарты, запряженные собаками. Было бы неплохо иметь гусеничный вездеход, приспособленный к арктическим условиям. Самолет – так вообще отлично. Но нарты с собаками – лучше. Их легче прокормить, чем самолет. Собаки будут с удовольствием жрать добываемое прямо в пути медвежье мясо. А самолету керосин подавай.

Слушая Антипия, я блаженствовал – наконец-то на меня пролился ливень долгожданной информации. Мне даже немного стало теплее.

– Водки бы, – вздохнул Федуня, кутаясь в свои многочисленные одежки.

Я лишь тяжело вздохнул. Не из-за отсутствия водки, нет. Дадут – не выпью на морозе. Только тепло в атмосферу зря выбрасывать. Я вздыхал из-за поведения Федуни. Стоя и слушая инструкции, он уже раз пять раскрыл и закрыл куртку, задрал свитера, старательно заправляя рубаху в штаны. Потом поправлял ремень, следом снова возился с воротником рубашки... Федуня занимался опасной ерундой. Едва его тело согревалось – он раскрывал все застёжки, устраивал проветривание ледяным воздухом, затем, трясаясь как банный лист, поспешно застегивался и пытался согреться. Еще пара таких выкрутасов, и дедушку можно сразу списывать со счетов. Ну не сразу. Часик он продержится. А потом свалится. И что делать? Рывкнуть?

– Эй! – решил эту проблему за меня Антипий, схватив Федуню за ворот и притянув к себе. – Чего хренью страдаешь? А?! Сдохнуть решил? Пневмонии захотел? Пожил – и хватит?!

– Да ты чего... чувствую просто тянет где-то холодом. Прямо в поясницу. Вот и затыкаю дыру... – задержался в мертвой хватке Федуня, а я отметил силу главного охотника. Мощный мужик, хоть и в возрасте.

– Водку на морозе не пьют. Куртки на морозе и ветру не расстегивают, – ритмично потрясывал охотник помощника. – Свитера не задирают! В тепле оделся – и сразу наружу, чтобы не потеть лишней раз. А там уже застёжки до самого возвращения не трогаешь. Понял меня?!

– Да понял, понял я!

– Ох, похоже, зря я тебя сюда потащил.

– Чего ты! Не зря! Ну, ошибся чуток!

– Как ты вообще сорок лет в келье отлетал! – буркнул Антипий, выпуская помощника.

– А что? Нормально отлетал! Сорок годков отрубил. Семьдесят шесть раз за третий рычаг всего и дернул. Чтобы Столп не серчал на меня грешного, – повернувшись, Федуня низко поклонился мерцающей громаде Столпа, истово перекрестился и пробормотал пару слов молитвы.

У меня невольно отвисла челюсть. Хорошо, хоть шарф прикрывал рот, и никто не заметил моего удивления. Комментировать не собирался.

Повернувшись ко мне, Антипий поинтересовался:

– Все помнишь?

Я кивнул.

– Пошли. Делаем все, как уговорено.

Припав к земле, охотник покрутился, оглядывая снег. Я смотрел туда же. И видел целую кучу извилистых и хаотично переплетающихся следов. Будто змеиная стая проползла. Сорвавшись с места, Антипий пробежал десяток шагов и с размаху воткнул легкое копьецо в сугроб. Прижал, навалился всем телом. И подался назад, разрывая сугроб и поднимая оружие. Насаженный на копье беззвучно дергался снежный червь.

Мерзкое создание... Крупное.

Длиной с мою руку, плоский, весь утыканный белыми полупрозрачными шипами, судорожно разевающий широкую пасть, из сквозной раны медленно капала белесая жидкость, похожая на сгущенное молоко.

– Чуете?

Мы с Федуней кивнули. Порыв ветра принес резкий аммиачный запах.

– Для медведя лучше запаха не сыскать, – пояснил охотник. – Посмотрим, кого нам судьба принесет.

Воткнув копье наконечником вверх в щель между ледяными глыбами, охотник махнул рукой. Мы обошли небольшой пригорок, поднялись по противоположному склону и оказались на вершине, где и залегли. Червь продолжал дергаться, силясь освободиться. Глядя на муки бессловесного создания, Антипий заметил:

– На нас похожи. Живучие. Запомните – этот запах отпугивает других червей, давая понять, что здесь для них опасно. Но приманивает медведей. Поблизости от нас особо крупные мишки редко водятся, они больше там, у разбитых крестов обитают. А здесь чаще молодежь мохнатая ползает, когда их мамка прогоняет в самостоятельную жизнь. Вот такой малыш нам и нужен.

– Червей не едят? – уточнил я.

– Отрава, – буркнул охотник. – А медведи лопают с удовольствием. Но и им приходится долгонько этих тварей переваривать. Про желудки медведей слышал?

– Слышал. Что желудки очень прочные и пятикамерные.

– Вот-вот. Сегодня увидишь все наглядно, если повезет с охотой. Черви живучие. Даже на куски челюстями порубленные продолжают жить. Я столько желудков видел вскрытых, что могу диссертацию по ним написать. В первой желудочной камере черви лежат до тех пор, пока не истекнут кровью ядовитой. Затем медведь эту кровь отрыгивает через специальное ситечко в пасти – мясо червей внутри остается, а белая гадость выплескивается. Фильтрует, стало быть, съедобное от несъедобного. Во второй камере измельчение. Там камни вперемешку с кусками червей. А в последних трех уже переваривание вроде как. Так-то вот.

– Да к чему нам эта галиматья? – прогундел Федуня. – Лучше байку какую расскажи, а то на морозе лежать...

Я резко прервал:

– Мне интересно!

Охотник одобрительно на меня покосился, на Федуню глянул укоризненно:

– Дурак ты, Федя! Дурак! О звере все надо знать, коли на него охотишься! Ты вот про рефлекс их защитный знаешь?

– Ну нет...

– Ну нет... – проворчал Антипий. – А рефлекс есть! Стоит медведя ранить, он привстает и окатывает тебя с ног до головы отрыгнутой кровью червей. А она жжется огнем! Чистая кислота! И когда медведя копьём бьешь – в пузо бить нельзя. Прорвешь первую камеру желудка – и половина мяса на выброс пойдет! Наука!

– Да понял я... понял...

– Тихо! – шикнул вдруг Антипий и замер. – Идет... видите?

Сначала я не увидел ничего. Все так же порывистый ветер гнал снежную поземку, крутил небольшие смерчи, ворочал маленькие ледяные глыбы.

– Вон!

Проследив за взглядом старого охотника, я увидел медленно катящийся снежный шар. Маскировка потрясающая – белоснежная шерсть с едва заметным желтоватым отливом. Чем-то похоже на шкуру матерого полярного медведя. Но на этом сходство заканчивается.

Всего две лапы. Зад волочится по земле. Голова без шеи, растет прямо из туловища. Глаз не видно, но, по словам Антипий, они есть, но трудно назвать полноценными глазами пару черных бусинок. Звери подслеповатые, но нюх у них потрясающий. Именно поэтому мы залегли так, чтобы ветер был на нас.

Как же странно он двигался...

И до чего же чертовски странные у него лапы...

Я никогда в жизни не видел и даже представить не мог, что у живого существа могут быть телескопические лапы.

Медведь привстал, опираясь на короткие толстые мохнатые лапы. Огляделся. Мы затаили дыхание. Опустившись, зверь дернул когтистыми лапами. И, утончаясь, не сгибающиеся лапы резко удлинились вчетверо! Вцепились длинными когтями в землю, медведь «сократил» лапы, подтянувшись на пару метров вперед. И повторил маневр, таким необычным макаром приближаясь к источающей резкую вонь приманке.

Обалдеть...

– Готовьтесь! Парень! Ты первым пойдешь! Помни! В подмышку левую! Федор! Ты с другого бока! В брюхо не бить! – почти неразборчиво пробормотал Антипий, прикрывая рот ладонью.

– Понял.

– Сделаем.

– Ждем... ждем... только чтобы без промедления! Ждем... давай!

Вскочив, я подхватил рогатину и рванул вниз по склону навстречу к подползшему к копыю и приподнявшемуся на удлинившихся лапах медведю. Пригорок невысокий. Но мне показалось, что я бегу целую вечность.

Шаг, другой, заметивший меня зверь поворачивает мощную башку, я вижу блестящие черные глазки, почти скрытые завитками шерсти. Вибрирующий рев угрожает, медведь разевает пасть...

Чуть приподняв рогатину, я направляю острие, чуть нагибаюсь вперед, как учил Антипий. И острие рогатины удивительно легко и глубоко входит в плоть.

Рев!

Обезумевший от боли, медведь дергается на меня, поднимает лапу. Не выпуская древко, прыгаю в сторону, ворочая рогатину внутри дергающегося тела. Удар удлинившейся лапы проходит мимо.

– Федор! Бей, черт! Бей! Чего встал?! – слышится надсадный крик Антипия.

Еще шаг в сторону, дожимаю захрустевшую рогатину, стараясь расширить рану, выпустить как можно больше крови, чтобы ослабить зверя. Тот пытается отползти, упираясь лапами, толкая себя назад. Я иду следом, продолжая налегать на рогатину. Не отпускаю!

– Федор! Твою мать! Федор!

Бросаю короткий взгляд. И вижу на вершине пригорка застывшую фигуру старика с рогатиной в руках. Чтоб тебя, Федор! Прав был Антипий – нельзя с кем попало ходить на охоту. Нельзя!

Рывок зверя. Вывернувшись из рук рогатина ударила по ребрам. Сбитый с ног, я покатился по земле, по снегу полоснула страшная лапа. Подскочив, прыгнул на рогатину и побежал по кругу, стараясь уйти от лап и одновременно заставить

зверя повернуть ко мне. Получилось. Взбешенный, медведь взревел так, что у меня волосы под фуражкой дыбом встали. Разинулась пасть... бросив рогатину, я рыбкой прыгнул в сторону. И в место, где я только что стоял, ударила резко пахнувшая струя белой жидкости. Снег запузырился, начал таять. А я снова схватился за рогатину, в голос матеря труса Федора. Сейчас медведь меня... тяжелая голова зверя вздрогнула и упала на грудь. Лапы сократились, туша ничком повалилась в снег и слабо задергалась. На спине медведя стоял тяжело дышащий Антипий, держащийся за глухо вонзенное в спину копьё.

– Попал-таки в сердце, – охнул старик, усаживаясь и обнимая копьё. – Успел.

– Спасибо, – хрипло ответил я, опускаясь в снег. – Ох...

– Да. Это тебе не птичек из рогатки стрелять, – слабо улыбнулся Антипий. – А ведь мы малыша совсем завалили. Сколько в нем? Килограмм двести – двести пятьдесят, не больше. А сколько он нам хлопот доставил? Представь теперь зверя весом под тонну...

– Федор...

– Федор, – вздохнул сокрушенно охотник.

– Не трогай его, – попросил я. – Струсил он. С кем не бывает.

– А смысл его трогать? Вот если бы из-за его трусости медведь тебя бы порвал – я бы Федора здесь в снег и закопал, – дернул плечом охотник, в уголку рта появилась жесткая складка. – А так... пусть себе живет в тепле Холла и хлебает горячий супчик. Толку с него в охоте не выйдет.

– Оплошал он просто.

– Это не оплошка, парень. Если бы оплошал, замер бы на минутку – то все отмер бы и побежал на подмогу. А он так и стоит там столб столбом. С такого, как он, справно охотника не выйдет. Ну что? Свежевать будем?

– Конечно! Хочу знать об охоте все.

– Одобряю. Но здесь, снаружи, только пару надрезов сделаем, шкуру чуть снимем. Веревки к надрезам привяжем – и потащим по снегу домой. Там уже разделаем мясо.

– А тут что?

– Медведей приманивает запах крови червей. А червей...

– Запах медвежьей крови?

– Любой крови, кроме их собственной, – ответил охотник, доставая нож. – Эй! Федор! Отомри уже, черт ты старый! Сюда иди!

– Ох, натворил я дел... – донеслось прерывистое и скорбное с пригорка. – Ох, оплошал я... ох, ребятаки... ох и мудака же я...

– Ну, хоть раскаивается, – буркнул охотник и рявкнул. – Да не бойся! Иди сюда! Бить не будем тебя, дурака старого! Дрова давай собирай!

– Насчет дров, – оживился я. – Это как?

– Черви.

– Что черви? Горят, что ли?

– Конечно! Да еще как!

– Да ладно...

– Ну почти, – усмехнулся Антипий. – Они как раки – раз в год панцири сбрасывают. При обильной кормежке – могут и чаще шкуру менять. Вот шкура, сброшенная нам и нужна – сухая, горит что уголь каменный, да еще и дыма с запахом считай не дает. И горит жарко, и долго. Так-то вот.

– Вот это наука, – удивленно покрутил я головой. – А я все думал, что люди про дрова талдычат – тут ведь ни деревца не сыскать.

– Ну почему же, – возразил охотник. – Есть тут деревья. Мертвые, правда. Древние. Ты что думал, здесь Северный Полюс, что ли? Раньше тут лес был. Как мне думается. Пока сюда вот эта тварь дивная не появилась, – рука с окровавленным ножом ткнула в Столп. – Если найдем еще одного охотника, выбираться почаще станем. Сегодня вон как случилось. – Антипий бросил короткий взгляд на съездившегося Федора, понимающего, как сильно напортачил.

– Видать, не мое это, – пробубнил старик.

– Видать, не твое, – согласился Антипий. – Дрова собирай давай. Парень. Ты тоже ему помоги. Дров немало понадобится, если хотим привратных жителей ужином сытным порадовать.

«Привратных», – мысленно повторил я. Еще одно прозвище жителей Холла. Меткое прозвище.

– Хотел посмотреть, как медведя разделывают, – кивнул я на тушу.

– Пока смотреть не на что, – качнул головой охотник. – Убили мы его аккуратно, желудок цел. Сейчас пару надрезов сделаю, пропустим веревки – и потащим домой. А вот уже там посмотришь, как я разделывать его стану. И помни, парень, – шкура, клыки и когти всегда принадлежат охотникам и делятся между ними. Это наше.

– Запомню.

– В Бункере мы снимем шкуру, вырежем желудок. И на этом наше дело закончено. Дальше они уже сами тушу разделают на части. Нам же по праву положены первые тарелки с едой. Потому как заслужили.

– Запомню и это. Я за дровами. Как их хоть искать-то? Как собирать?

– Во-о-от! – удовлетворенно протянул Антипий. – Не ошибся я в тебе. Не дурак ты. Эй! Федор! Стой, полудурок дряхлый! Чего делаешь?

Выпрямившийся Федор с удивлением глянул на охотника, отряхивая ладони от налипшего снега.

– Дрова ищу.

– Шкура червя шипаста! – проворчал охотник. – Как наткнешься в снегу ладонью – вмиг мясо до кости раздербанит! Думать надо! Думать! Без рук остаться хочешь?

– А как тогда...

– Как-как... – беззлобно передразнил Антипий. – Палками снег рыхли! Как найдешь – костяными щипцами цепляй – и в мешки из медвежьей шкуры складывай. Она толстая, ее не пробьет. Поняли?

Кивнув, я взялся за дело. Прошелся щупом по сугробам. Наткнувшись на что-то, разбросал снег и нашел кусок льда. Не страшно. Ищем дальше...

В Бункер мы вернулись через два часа. Замерзшие, задубевшие. Я и Антипий держались молодцом. А вот Федор окончательно сдулся, сник, едва передвигал ноги, не отрывая взгляда от земли и тяжело качаясь под мешком с дровами. Мне невольно стало жалко старика. Хотя из-за него мы все сегодня едва не погибли. Прав Антипий – охота не для всех. Это не современные времена, где редко входят в ближний контакт со зверем. Бьют издалека. Из мощного оружия. А тут тяжелая рогатина в руках и надо бежать прямо в оскаленную пасть медведя...

Встретили нас радостно. Еще бы. Притащили столько мяса...

Нас вмиг обступила толпа, загомонила. Люди шатнулись было ближе, но Антипий рыкнул, и толпа подалась назад. Еще один рык, и жители отступили еще на пару шагов, не сводя жадных взглядов с неподвижной туши. Пристально оглядев голодные лица, Антипий что-то проворчал и громко рывкнул:

– Чего пялитесь?! За дело беритесь! Вон дрова! Котел уже чист? А... вижу...

– Котел вычищен до блеска, – вперед шагнул тот самый старик, что сидел со мной на лестнице. – Воды натаяли, специи приготовили, слабый огонь горит.

Сейчас жара добавим. Не сомневайтесь, ребятки! А ну чая горячего охотникам! Живо!

Несколько человек подняли сшитые из обрывков медвежьей шкуры мешки, утащили ближе к «гостевому» углу, где впритык со стеной была организована примитивная печь с дымоходом, уходящим наружу. На печи уже стоял старый котел из темного металла. Мне вот прямо интересно, где им удалось раздобыть такую махину. Котел литров на двести. Возможно, одна из находок?

Я вот тоже кое-что раздобыл интересное. Провел рукой по карману, убедившись, что не потерял найденный предмет. Кукла. Пластиковая кукла в обрывках платья. Руки и ноги на месте. Волосы почти все выпали. Лицо... уверен – это не земная кукла. Не с нашего мира. Сразу видно по чересчур выступающим надбровным дугам.

Нам чуть ли не торжественно вручили по кружке чая. Мне досталась жестяная, почти литровая. Хорошая вещь. Старая. Судя по всему, выпущена лет пятьдесят назад. И все эти годы о кружке заботились. Хлебнув, блаженно зажмурился. Вкусно. И даже сладковато. Стоя рядом со мной, Антипий тоже осторожно прихлебывал чай, задумчиво поглядывая на медвежью тушу у ног. Федор затерялся. Получил кружку и покинул круг, смешавшись с жителями. На полу осталась рогатина и щуп для поиска дров. Он сделал правильный выбор.

Покинув центр круга, я сел за пустующий стол, сделанный из кусков дерева, пластика и жести. Согревая о кружку руки, потихоньку потягивал чай, ожидая, когда колыхающаяся толпа разойдется. Прошло минут пять, а народ и не думал расползаться по своим углам. Антипий рявкнул. И старички начали разбредаться. Я как раз допил чай и присоединился к опытному охотнику, что снова достал из самодельных ножен длинный нож.

Следующие полчаса я внимательно наблюдал за процессом снятия шкуры. Не только я – многие смотрели, взобравшись на этажи нар или встав на лавки. Наблюдали, но не подходили. Антипий управился быстро, не забывая тыкать ножом и объяснять, как правильно оттягивать шкуру, где подрезать, а где достаточно просто хорошенько потянуть кожу в сторону. Следом он вспорол мышцы брюшины, и наружу выпали внутренности. Охотник цепко глянул на меня. Глядя на кишки, я остался бесстрастен, продолжая наблюдать. Одобрительно хмыкнув, старик сделал еще пару надрезов, и наружу величественно выплыла гигантская колбаса перетянутого в нескольких местах

желудка. Вытащив ее полностью, Антипий облегченно выпрямился.

– Вот и все. Наши дела закончились. Остальные уже они сделают.
Почаевничаем?

– С удовольствием, – кивнул я.

– Что покрепче будешь?

– Тут откажусь. С мороза еще не пришел в себя.

– Одобряю. Я тоже, пожалуй, только чайком обойдусь.

Усевшись, мы получили еще по кружке чая – даже просить не пришлось. Антипию еще подали мокрое полотенце, и он вытер руки. Я заметил, что вытирать особо и нечего было – охотник все проделал крайне профессионально, испачкав руки по запястья, не больше, а на одежде ни одной капли. Некоторое время мы молчали, смотря на сгрудившихся вокруг туши людей. Сверкали лезвия ножей, кто-то сердито покрикивал, женщины начали таскать куски мяса в тарелках, относя их к составленным около котла столам. У печи священнодействовал высокий седобородый старик, длинными щипцами умеща «поленья». Весь Холл гудел, пребывал в голодном нетерпении.

Могу их понять. Кормят трижды в день, наливают щедро, но суп – это суп. Переваривается быстро и снова приходит ощущение голода. Мясо куда сытнее. Хотя вряд ли большое количество пойдет на пользу стариковским желудкам. Но хотя бы крепкий бульон похлебать – уже дело.

– Спрашивай, парень, – предложил Антипий.

Еще один человек избегает называть меня Гниловозом. А я все так же не собираюсь менять прозвище на что-то более благозвучное. Равно как и говорить кому-либо, как меня зовут на самом деле. К чему?

– Как здесь житье-бытье? – спросил я с готовностью.

– Сам не видишь? По-разному. Но если в корень смотреть – что в Холле, что в Центре живут одинаково. Про Замок ничего не скажу. Бывал там лишь однажды. Да и то лишь на пару шагов дальше ворот пустили.

– Ого! И как там?

– Комната большая, – пожал плечами старик. – Столы, кресла. Гостиная, одним словом. Для тех, кого, как меня, туда вызывают по какой-то надобности. Дальше гостиной только жители Замка пройдут. Остальным – там стоп машина. Чаю поднесут. Меня даже кофе угостили, коньяка налили, конфет шоколадных предложили парочку.

– Царский прием, – удивился я.

Это на самом деле так. Очень щедро. Запредельно щедро по здешним меркам.

– Конфеты были вкусные, – неожиданно улыбнулся старик и причмокнул губами. – Не отказался бы еще разок таких поесть. Учти на будущее. Если вдруг угостит кто.

– Договорились, – улыбнулся я в ответ. – Но вряд ли кто мне предложит такую вкуснятину.

– Кто знает, – не согласился Антипий. – Меня ведь там не просто так угощали. Мясо кончилось. Вообще. Как мне сказали, оставалось немного жира, пара кусков старого мяса и сколько-то костей. На пару дней всему Бункеру.

Значит, мясо может закончиться. Еще одна зарубка в памяти. Выходит, в Замке нет животноводства? Растения там точно выращивают. Это видно по супу. И по чаю. А вот с мясом беда.

Будто прочитав мои мысли, Антипий усмехнулся:

– Наши аристократы легко обойдутся без всего здешнего люда. Кому нужны немощные старики с кучей болячек? Но вот без охотников им никуда, если поголовно не хотят стать вегетарианцами. Да и то не выйдет у них этот фокус – не хватит на всех. Ты готовься, парень. Скоро и тебя туда призовут. Еще пара-

другая охот успешных – и обязательно позовут. Обласкают, нальют выпить, похвалят, конфеток на блюде преподнесут. А ты не отказывайся. Что предложат понятно – чтобы на охоту ходил почаще, да все мясо в Замок доставлял. А они уж сами распределят кому, сколько и какой жирности.

– И зачем мне это? – задал я главный вопрос. – Почему все мясо им?

– А с них тоже немало приходит. Суп ведь не только из мяса готовится. Да и какие-то лекарственные травы они там растят. Без правильной организации Бункер долго не проживет. Все развалится. Тут без строгого контроля никуда. Вот мы притащили сегодня целую тушу в Холл. Если шкуры, потрохов и костей не считать – тут полтораста кило жирного мяса. Чтобы сделать супа на всех привратных – за глаза хватит пятидесяти кило. Это чтобы прямо хорошо и сытно покушать. Но ты поверь – они пихнут в котел всего медведя! Два раза готовить будут. Обожрут до безобразия. И на завтра не оставят ничего. Разве что пару костей не до конца обглоданных. Такие вот здешние людишки. Такая вот здешняя натура человечья. Смотри! Им не подражай! Мой тебе совет – всегда оставайся немного голодным. До изумления не наедайся и не напивайся! Чай – вот чайку можно пить от души. Это полезное баловство. Все остальное – только к беде приведет. Станешь ленивым, перестанешь чем-либо интересоваться. Будешь лежать на нарах и ждать, когда ужин или завтрак подадут. Похлебаешь – и опять на нары. Так вот вся жизнь и пройдет.

– Большое спасибо за добрый совет, – с благодарностью склонил я голову. – Хм...

– Чего хмыкаешь?

– Ну позовут они меня. Попросят почаще на охоту ходить. И чтобы мясо в замок доставлять.

– Все так.

– Но лично мне-то это зачем? – спросил я прямо. – Моя выгода в чем? Охотники рискуют жизнью. Не на кроликов охотимся ведь. И что получают взамен? Ничего?

– Ну почти. Вот мы шкуру забрали, верно?

– Ага.

– Вот эту шкуру можешь в Замок отнести. И ее купят. Или поменяют на что-нибудь полезное. А шкура – это наша добыча, охотничья. Никто на нее претендовать не может. Как и на когти с клыками. Если шкуру продавать не хочешь – тебе ее выделают, будет шикарная постель. Или куртку со штанами сошьют. Как у меня.

– Вещи у вас знатные, – согласился я.

Старик был облачен в меховой комбинезон, сверху короткая куртка с капюшоном. Рукавицы, сапоги, крепкий широкий ремень. Идеально для здешних погод.

– Могут и спальный мешок сделать, – добавил дед. – Если вдруг вьюга накроет далеко от дома, только он и спасет! Правда, тяжеловат, чтобы каждый раз с собой таскать, но ты мужик крепкий – не переломишься.

– Согласен, – кивнул я. – А палатку могут сделать?

– При вьюге ее вмиг сорвет и унесет! Пробовали уже. И она втрое тяжелее спального мешка. Хотя у меня есть легкие костяные санки. И лыжи есть. При умении с собой что угодно утащить можно. Вот только зачем? С собой брать только необходимое надо.

– Ясно...

– В общем, – в Бункере к охотникам отношение особое. Мы в приоритете. Но даже не реши ты стать охотником – тебя все одно туда позовут.

– И почему на этот раз?

– А потому, что молодой, сильный и даже не тупой. Вот почему. Еще хочешь, что спросить? А то спать хочется. Давно такого не было. Глаза слипаются. Слабость. А еще на верхотуру мою подниматься.

– Спросить... Как далеко от Бункера отходили?

– Посылали как-то к соседям. Три дня туда. Три дня обратно. Торговые связи налаживали. Заодно ихних туда отвели, наших сюда доставили. По пути нас едва черви не сожрали во время ночлега. А так обошлось. Даже с мишками повоевать не пришлось. Еще немало раз выходили на поиски всякой техники, что повсюду здесь разбросана. Водил я пятерых с Замка. Назад едва дотаскивали собранное.

– А как соседей-то называют?

– Смеяться будешь. Но они свое поселение называют Термук. А на наш это переводится как Бункер. Смешно?

– На самом деле смешно, – фыркнул я.

– Вот-вот. Мы их Теремком называем. Созвучно.

– И далеко они от нас?

– Сказал же – три дня пути.

– А в километрах-то сколько?

– Да километров сорок. Не больше. Расстояние тут не слишком большие. Вот только из стариков ходоки никудашные. Особенно если вместо дорог чистое бездорожье. Пойду я, парень. Что-то потрясывает меня. Надо поспать.

– Спасибо за науку, Антипий!

– Тебе спасибо. То ли еще впереди – многому научу.

– Я вам принесу бульон и мясо.

– Сделай доброе дело. На веранде оставь, ладно? Не люблю, когда сон мой тревожат. А завтра поболтаем.

– Конечно! Помочь вещи поднять?

- Да я сам. Не привыкать. Ты из меня старого пердуна не делай. Сил полно еще.
- Понял. Последний вопрос – со шкурой и желудком что делать?
- Твои они, парень. Первая добыча свята. Так что сам разбирайся.

Старик ушел. А я снова опустился за стол и, допивая чай, наблюдал за всеобщей суетой. Пришли даже жители с Центра, осторожно спускаясь по лестнице, неся с собой пустые тарелки. Пара привратных хотела им что-то сказать и явно недоброе, но успевший подняться под потолок Антипий предупреждающе рыкнул, и центровым больше никто не посмел мешать. Еще одно доказательство силы охотничьего слова. Это каста. И каста влиятельная, причем важная даже для запертого Замка.

Меньше чем через час от туши не осталось ничего. Всю растащили по кусочкам. В котел полетели кости – для дополнительного навара. Как по мне, это уже зря – могли бы приберечь. И так чересчур жирно получается. Студень. Холодец. Но вмешиваться я не стал. Прав был Антипий – здешние живут одним днем. Учитывая их возраст и условия жизни – это даже разумно.

Заметил, что на меня уже перестали постоянно поглядывать – раньше моя молодость вызывала всеобщее внимание. Теперь я примелькался. Стал одним из них. Одним из жителей Бункера. Охотник Гниловоз. Сильный, молодой и даже не тупой.

Что дальше?

Захотелось прочитать пару глав из лежащего в комнате «Графа Монте-Кристо». Этот роман стал для меня чуть ли не инструкцией. Побег я совершил. Что следующее? Вряд ли мне светит получить большой клад в наследство от аббата Фариа. К тому же Красный Арни не умер, а переехал в Замок. Вспомнились скопированные мной зашифрованные записи, переданные для Арни умирающим Костей. Что в них? Так пока и не взялся за них.

Шкура...

Желудок...

Повозившись, уляпавшись в крови, сделал большой мохнатый сверток. Привязал оставленную Антипием веревку. И потащил поклажу сначала к лестнице, а затем выше, оставляя за собой кровавый след. Проклятье... как-то все непродуманно.

– Не волнуйся, охотник! – заметили мое замешательство. – Подотрем! Тащи добычу! И спасибо!

Вот и признание. Махнув рукой, попер дальше. Протащил через коридор Центра, здороваясь со спешащими на ползущий с Холла мясной запах центровыми, миновал центральное помещение. И остановился у наглухо закрытых ворот. Тут меня встретили охранники. Поглядели одобрительно, кивнули понимающе. Мне даже спрашивать ничего не пришлось – один из охранников ненадолго нырнул в небольшую дверцу, врезанную в ворота, и вскоре вернулся в сопровождении пары стариков.

– Молодец, охотник. Молодец, – протянул мне руку самый старший.

Ответив на рукопожатие, я удивился – очень уж крепким оно было. Как в тисках рука побывала. Что же здесь за старики такие могучие попадают?

– Продашь или выделать хочешь? – второй оказался более деловитым.

– Смотря что предложите, – улыбнулся я.

– А что хочешь?

– Я в расценках пока не силен. И ассортимент не знаю, – развел я руками.

– Хороший нож тебе пригодится? Стальной, острый как бритва. Охотничий, одним словом. В ножнах. К ножу ремень. Ну и пару рукавиц добрых. Что скажешь?

– По рукам, – кивнул я.

– Держа товар, оказался сразу за дверью и через пару секунд я держал в руках длинный нож и рукавицы.

– Желудок целый. За него что хочешь?

– М-м-м... – замялся я.

Что просить за переполненную зловонную колбасу?

– Чтиво какое-нибудь найдется? – пришло мне на ум.

– Детектив сойдет? Но без обложки. Ее кожаным переплетом заменили. Автор

– Чейз.

– Сойдет!

– Держи. И вот тебе еще в награду десяток талонов. Еще кусок мыла. Молодец! Правильный путь выбрал! И общине легче, и тебе занятие путевое. Молодец!

И снова товар оказался у меня удивительно быстро. Рассчитавшиеся старики вытащили пленку, без моей помощи переложили на нее шкуру и желудок, хорошенько завернули и затащили за ворота, двигаясь с удивительной легкостью.

Попрощавшись, сходил в туалет, где хорошенько отмылся. Высушив руки, стоя в одних трусах, задумчиво смотрел на три самодельных душа, откуда изливалась теплая вода. И тут все налажено. И снова иноземные технологии – уцелевшая начинка с упавших крестов.

В дверь душевой, ничуть не стесняясь моего вида, проворно нырнула сухонькая старушка. Уперла руки в бока.

– Постирать надо чего, охотник? Все сделаю в лучшем виде.

– Надо. А за сколько, бабушка?

– Клашей меня зови. Талоны тебе дали, касатик?

– Дали. За талон всю твою одежду перестираю и высушу. К вечеру принесу. Сменное есть?

– Есть.

– Давай талон и оставляй все здесь. Я займусь.

Я впервые глянул на талоны. Кусок серой и какой-то рыхлой перфорированной бумаги поделен на десять прямоугольников. На каждом прямоугольнике синее жирная печать, еще имеется чья-то витиеватая роспись и цифра 1.

Надо же... талонная система. И чего, помимо стирки, можно получить за один талон? Дополнительный обед? Это уж наверняка. А чего-нибудь еще дают? Осторожно оторвав талон, вручил Клаше и покинул душевую.

Войдя в комнату, рассмеялся в ответ на изумленный взгляд Шерифа, окруженного старушками. Скользнул к своей кровати, пояснил:

– Одежда в стирке.

– А я уж думал, ты в карты решил сыграть на интерес. Мне уж рассказали тут дамы о здешних нравах.

Дамы рассмеялись, прикрывая морщинистыми ладошками рты.

– Не буду, – пообещал я, натягивая джинсы. – Такой вопрос: на талоны что тут получить можно?

– Ой много чего! Одни десерты чего стоят! И на целый талон на трех человек сладостей хватает, – оживилась одна из старушек. – Опять же заварка, мыло, вязаные вещи, алкоголь. Много чего!

– Ясно, – кивнул я и, проделав уже знакомую манипуляцию, вложил в руку Шерифа пять серых талонов. – Прошу.

– Это еще что?

– Да это радость бытия, шарман! – встряла вторая дама. – Чистая радость! Ты готов тратиться на женщин?

– Конечно!

Набросив на плечи куртку, я подмигнул старику и, прихватив книгу с вложенной тетрадью и ручкой, покинул комнату. Не буду мешать им развлекаться. Нож на ремне взял с собой, перепоясав джинсы. Не забыл и верную отвертку, приткнув ее за ремнем. Здесь, конечно, мирно. Но все же...

Составленных столов в Холле прибавилось. И какой только разнокалиберной посуды на этих столах не было. Большею частью пластик и металл. Но встречалось и стекло. Вот только посуда все больше из тех, что в обычных домах на столы не ставят – тазики, к примеру. Обычные разноцветные и практически вечные пластиковые тазики исходили паром, заполненные доверху густым супом. Над столами поднимались облака пара – температура все же низкая, не зря народ у печи кучкуется. Греются. Глянув на потолок, вздохнул – опять работает только одна линия. Боятся дергать за рычаги и предпочитают жить в холоде.

Протолкавшись к печи, поискал знакомого старика, но не нашел. Обнаружил его у ворот, рядом с несколькими другими жителями. Тут было особенно холодно – ниже нуля. И люди стояли молчаливо у длинного тряпичного свертка. Сквозь ветхую ткань угадывались знакомые очертания.

– Что случилось?

– Федор преставился, – вздохнула старушка, мелко крестясь. – Схватился за грудь. Осел. Да так и помер.

– Федор?! Мы же только с...

– Ну да. Охотничек... подкосила его вылазка. Перенервничал, видать. Ох... оно и понятно – ему почитай далеко за семьдесят было. Вспомнить бы фамилию его, да никак на ум не идет. Милай... ты не поможешь его на кладбище оттащить, а?

– Конечно, – не задумываясь, ответил я.

– Вот спасибо. Втроем с мужиками и справитесь. Идти-то недалеко.

Кладбище было под боком. И не снаружи. Имелась неприметная узкая дверь в стене Холла, раньше явно бывшая природной трещиной, но позднее заделанная каменными блоками и снабженная жестяной створкой. Никакой надписи над дверью не имелось. Оно и понятно. К чему лишний раз напоминать людям в возрасте о том, что дверь, ведущая к пункту последнего назначения, находится прямо под боком. Кладбище бы подальше от жителей Бункера, но учитывая условия снаружи.

Там я еще не был. И, неся свою часть тяжелой ноши, шел туда даже с интересом. Хотя мысли невольно возвращались к Федору – отчего умер? Физическое перенапряжение? Или психическое? Испугался, подвел и подставил других охотников, чувство вины подкосило. А ведь мы его забыли, даже не проследили, куда он пошел, когда покинул круг. Не ободрили парой слов, не хлопнули успокаивающе по плечу. Ничего, мол, такого, с кем не бывает, в следующий раз выйдет лучше... Мы не сделали этого, и оставленный в тоскливом самобичевании человек довел себя до инфаркта...

Уф... надо встряхнуться. А то еще начну чувствовать невольную вину. Только этого мне и не хватало. Я тут новенький. Его почти не знал. Но у Федора должны были быть друзья способные его ободрить. Вот только всем было на все плевать. На все, кроме свежего мяса, доставленного в Холл.

Кладбище представляло собой большую пещеру, наполненную ледяным холодом. И через несколько шагов стало ясно, почему никто не попытался сделать пещеру частью Бункера. Все ее дно представляло собой хаотичное переплетение широких черных трещин, уходящих на неведомую глубину и достигающих в размере не меньше метра. Некоторые и того шире. Выглядело так, будто в незапамятные времена великан ударил по дну пещеры гигантским молотом. Но это я понял позднее, после похорон, потратив несколько минут на изучение местного кладбища с помощью чужого фонарика.

Похороны...

Не хотел бы я, чтобы меня так похоронили.

Закутанное в саван тело Федора положили на край ближайшей к входу трещины, старушка в платке прочитала коротенькую молитву. С ее губ срывались жидкие облачка пара. Лучи фонарей плясали на тряпичном свертке, еще недавно бывшем человеком.

– Толкайте, – тихо сказала старушка.

Легкий толчок... и лежащее на самом краю тело беззвучно кануло в черноту трещины. Исчезло. Спустя несколько секунд послышался легкий шлепок удара. Сколько же здесь метров?

Тогда-то, попросив фонарик, я повернулся и, пока остальные с опущенными головами стояли у трещины поглотившей очередного старика, прошелся до дверей кладбища. И насчитал два длинных извилистых уже посеревших ледовых языка, присыпанных каменной крошкой. Да уж... тут не требовалось семи пядей во лбу, чтобы догадаться – это запечатанные льдом трещины, что уже до отказа заполнились трупами почивших жителей Бункера. Пока шли к еще не заполненной трещине, шагали прямо по братским могилам. Крутнувшись, посветил фонариком по сторонам, глянул на стены. Ничего. Ни единой таблички с именем или датой. Все братские могилы безымянные. И кто знает, сколько там тесно прижатых друг к другу трупов в тряпичных саванах. Бункер уже стар...

И вот это нормальный конец? Получить местечко в ледяной безымянной братской могиле спустя сорок лет заключения и еще скольких-то лет бездумной и по сути бессмысленной жизни в Бункере? Ежась от холода, старушка прочтет торопливую поминальную молитву, тело сбросят в глубокую могилу и человека тут же забудут навсегда.

Я такого не хочу.

– Идешь, парень?

– Я сейчас, – отозвался я, и заматавшееся эхо многократно повторило мои слова.

Здесь надо разговаривать потише.

– Фонарик верну, – уже тише добавил я.

– Хорошо. Не задерживайся здесь, парень. Не надо.

– Ага.

Когда тяжело шагающие старики ушли, я, подсвечивая себе фонариком, задумчиво прошелся по кладбище, изучив его размеры и поглядев в глубокие трещины. На одном из зубцов скалистой стены, используемой сейчас братской «могилы», висел зацепившийся саван. Вместе с содержимым. Из прорванной дыры торчала покрытая белоснежным инеем босая нога. Отчетливо видны очертания скорбно склонившейся головы. Проклятье. Даже скинуть нормально не смогли. И висит теперь мертвый человек над бездной... Нехорошо так.

Нет. Ну уж нет!

Я не знаю, когда придет мой черед умирать. Но лежать на этом кладбище не хочу. Уж пусть лучше меня съедят здешние медведи, а остатки подьедят снежные черви. Все лучше будет, чем сломанной куклой висеть на стене...

Возвращаясь к выходу, переложил фонарь из одной руки в другую. Луч света дернулся. И на краю одной из засыпанных трещин я заметил какой-то бугор. Кучка льда и мелкого камня. По цвету она не отличалась, но была в ней какая-то странность. Через мгновение я понял, что привлекло мое внимание – рыхлость этой кучки. Тут захоронение древнее. Там вповалку лежат старые поколения Бункера. И накрывший их слой льда и снега давным-давно спрессовался до каменной плотности. Тут не могло быть никакой рыхлости. Но в этом месте она имелаась.

Опустившись на колени, ткнул лезвием ножа. И оно легко погрузилось на всю длину, послышался скрежет ледяного крошева. Оглядевшись, убедился, что никто за мной не наблюдает. И быстро выгреб битый лед. Образовалась яма. Глубиной сантиметров в шестьдесят. Следом вскрытая замороженная тряпка. А под ней – истерзанное человеческое бедро, лишенное изрядного количества плоти. В стороне пустое место с парой костей – тут должна была находиться вторая нога.

Вот это да...

Слухи подтвердились.

Пару дней назад я случайно разговаривал с живущей в Центре старушкой. Полноватая, вечно голодная, с бегающими глазками, она все жаловалась на скудность кормежки. Могли бы, мол, побольше и погуще наваливать. Жалуют еды! И мимоходом, хихикая, пощелкивая несколькими оставшимися зубами, упомянула, что не все, как она, довольствуются положенной нормой. Кое-кто добывает мясо самостоятельно и готовит потихоньку, выдавая его за медвежье. А порой, мол, даже и угощает тех, кто не задает лишних вопросов. Насторожившись, я задал пару уточняющих вопросов, но старушка уже переключилась на другую тему и лишь отмахивалась – ерунда, мол, шутки у нее такие. Но глазки стали бегать еще пуще. Тогда-то я и записал в список вопрос о людоедах.

И вот оно доказательство. Кто-то из жителей Бункера нет-нет да и наведывается на кладбище и потихоньку рубит здесь замороженное мясо. В кашу. Для навару. И кладбище для этой таинственной личности представляется скорее вечно полным холодильником с мясными деликатесами, а не местом упокоения и без того настрадавшихся людей.

Это что-то серьезное? Большая проблема?

Подумав, отрицательно покачал головой. Нет. Просто неприятная мелочь. Кто-то из старичков слегка потерял моральные ориентиры. Исправить легко. Но лично я этим заниматься не собираюсь.

Невольно пришло в голову – а если в Бункере полностью кончится мясо и некому будет пойти на охоту? Как долго кладбище будет оставаться неоскверненным? Как скоро сюда придут голодные люди и вскроют могилы, чтобы утолить голод? Может, поэтому могилы в таком виде, чтобы их было легко вскрыть в случае нужды?

Бред? Да нет. Это вполне может оказаться реальностью. В земной истории немало случаев, когда вынужденный каннибализм спасал потерпевших крушение и оказавшихся на незаселенных территориях или посреди океана. В здешних страшных условиях, в этом ледяному аду – вполне нормально иметь под боком аварийный запас пищи. На самый крайний случай. Как по мне – вполне разумно. Смогу ли я в случае нужды съесть кусок некогда разумного мяса? Да. Смогу. Это вопрос выживания и этические нормы здесь вторичны.

Охранники у ворот не сменились. Сидели себе спокойненько на высоких стульях и лениво играли в карты. При виде меня отложили игру. Глянули вопросительно. Подойдя ближе, тихонько заговорил:

– Сегодня умер Федор. И мы его похоронили.

– Пусть земля ему будет пухом, – вздохнул один из стариков, осеняя себя крестом.

– Это да, – кивнул я. – Пусть спит покойно. Но дело в другом. Я на кладбище был первый раз, поэтому задержался, осмотрелся. И нашел там пробои льда в старых могилах. Ямы глубокие во льду. А внутри – чьи-то чутки искромсанные человечьи ляжки. Среди нас живет людоед, мужики. Мне не верите – пошлите кого-нибудь, пусть посмотрит на могилки. Яму я только слегка ледком прикрыл.

– Да твою же мать! – в сердцах выругался охранник, ударив ладонью по столу. – Вот только этого нам и не хватало! Какая тварь, а? Вот какая тварь? Тьфу! Не кормят, что ли? Или пайку отобрали? А может, просто башкой двинулся?

– По кексам и рыбе тюремным скучает, – добавил второй. И сам не заметил, что в его голосе прозвучала отчетливая тоска. Этот уж точно скучает по сладкой сдобе. Он даже слюну сглотнул невольно.

– Мое дело сказать о проблеме, – пожал я плечами. – Совет, может, непрошенный, вы и сами люди опытные. Но, на мой взгляд, шухера наводить не надо. Если толпа на кладбище прибежит и начнет там массовые раскопки... люди всполошатся. Если есть у вас кто из жителей Холла надежный – пусть проследит тихонько за тем, кто на могилки наведывается. Это наверняка одиночка.

– Мы разберемся, – кивнул старший. – Возьми.

– Что это?

– Десять талонов.

– Нет, – отказался я. – Не надо.

– Чего так?

– Я не информатор платный, – мягко ответил я. – Просто, если среди нас людоед, – это общая проблема. Вдруг его перемякнет однажды и начнет живых кромсать, а не мертвых. Ни к чему это.

– Ну сам смотри... и не переживай. Найдем мы его и потолкуем.

– Если это мужчина, – заметил я. – Может, и женщина.

– Подозреваешь кого?

– Нет. Просто к слову.

– То же верно. Спасибо тебе, Гни... парень.

– Да не за что, – махнул я рукой и направился к Холлу.

Все мысли о тихом людоеде вылетели из головы, когда снизу донесся горестный вопль. Слетев по лестнице, закрутил головой. Что произошло? Котел с супом опрокинули?

Вопль повторился. И на этот раз прилетел сверху, из-под потолка. Глянув вверх, я бросился к нарам. Кричали из хижины главного охотника Антипия. Не успел преодолеть и пары этажей, в спешке хватаясь за раскачивающиеся конструкции, в хижине заплакали в голос:

– Да на кого же ты нас покинул, касатик! Добытчик ты наш! Кормилец! Что же теперь будет!

– Ты по человеку плачь, дура! А не по себе убивайся!

– Ой, с голоду помрем, – не унималась старушка. – Ой, конец нам пришел...

Пробежав по мостику, пролетел через веранду и оказался в крохотной комнатухе. На стенах аккуратно висит снаряжение. У окошка небольшой

столик с парой книг. На низкой кровати вытянулся Антипий со скрещенными на груди руками. Под руками листок. Лицо умиротворенное. Уже заострившееся.

Чтоб меня...

Невольно схватился за косяк. Вы обалдели, люди?

– Ну и охота выдалась, – вздохнул тяжело старик и косо на меня глянул. – Ты на себя грех не бери. Часто такое случается.

– В смысле – часто?

– Что после охоты люди мрут как мухи. Старые мы, парень. Очень старые. И очень усталые. Где еще видано, чтобы старики под восемьдесят лет на зимнюю охоту хаживали? Да еще с рогатинами. И на медведя. Так что знай – здесь такое случается. И ты тут ни при чем. Это вот Антипия считали заговоренным. Но и он уже не хотел ходить на охоту. И не пошел бы. Да последний раз из шести охотников ни один не вернулся. Так и не ведаем, что с ними случилось.

– Вот как, – кивнул я, глядя на Антипия. – Вот как... да на себя грех брать и не думал. Черт...

– Ты выйди-ка, – шуганул седобородый перешедшую на тихое поскуливание бабку. – Хватит о себе переживать, перечница старая! Тьфу! Человек умер, а ты о мясе переживаешь!

– Жрать что будем? – окрысилась бабка. – Ты, что ли, на охоту пойдешь? А?

– Мясо будет, уважаемая, – ровно произнес я. – Выйдите, пожалуйста. Дайте с Антипием попрощаться.

– Выйду, касатик, выйду, – тут же подобрела старуха, бросив на меня оценивающий взгляд. – Слова охотника как не послушать. Выйду. Теперь на тебя у нас все надежды, милай. Помрем мы без тебя. Ты уж не забывай нас немощных. Без сладкого мясца жить тошно...

Дождавшись, когда заботящаяся лишь о себе старуха покинет хижину, я подошел к узкой кровати и немного постоял над Антипием. Выражение лица спокойное. Расслабленное. Листок бумаги под руками. Осторожно вытащив его, поднес ближе к глазам. Темновато здесь.

«Все имущество мое отдать лучшему охотнику и никому более! Антипий».

И размашистая уверенная подпись. Листок бумаги старый и явно был несколько раз сложен и, скорее всего, хранился вон в той раскрытой книге, что лежит на столе. И я не удивлюсь, если старый охотник каждый раз, когда ложился в постель, не забывал достать и развернуть листок с коротким завещанием. Ведь в силу своего возраста он не мог быть уверен, что проснется на следующее утро.

– Владей, охотник! – хлопнул меня по плечу старик. Хлопнул с некоторой даже радостью. И с ожиданием в глазах – соглашусь ли принять вещи в наследство. Ведь вместе с ними приму на себя и обязанности охотника.

– Спасибо, – коротко ответил я. И добавил: – Антипия надо спустить вниз. Здесь слишком жарко.

– Надо! – согласился с тяжелым вздохом старик. – Тащить будет нелегко. А спускать по лестнице... ох и замаемся. Не уронить бы покойного...

– Тащить не придется. Спустим на веревках.

– И то верно! Голова! Вдвоем справимся?

– Справимся. Внизу пусть примут аккуратно.

– Сейчас гаркну! Ты пока собери его в последний путь, Охотник.

Так вот и прозвучало это слово – с большой буквы. Не как профессия, а как мое новое имя.

– Теперь я Охотник, – согласился я. – Так и называйте впредь. И другим передай.

– Все лучше Гниловоза!

– Кому как, – дернул я щекой. – Главное – суть. До этого возил гниль на крыше креста. А теперь стал охотником.

– Может, тогда Медвежатником тебя называть станем, а? Звучит! Уважения больше!

– Нет, – улыбнулся я этой неприкрытой лести. – Не дорос я еще. Просто Охотник.

– Понял тебя, Охотник! Насчет вещей не переживай – никто и не дернется! Я любому быстро мозги вправлю! – Старик воинственно потряс жилистым кулаком. – И прослежу, чтобы в твоё отсутствие в хижину к тебе никто не лазал. С Антипием у нас тоже такой уговор был. И держались мы уговора свято.

– Вот за это спасибо.

– Жить тут будешь?

– Да, – особо не раздумывая, ответил я. – Жить буду тут.

– Стало быть, почти никаких изменений, – еще шире улыбнулся старик и заковылял к мостику. Перегнулся через веревочные перила и закричал, собирая народ.

Обернув Антипия простыней, я снял со стенного крюка веревку и крепко обвязал мертвое тело. С некоторой натугой вытащив труп на веранду, а оттуда на мостик, чуть передохнул, и мы приступили к спусканию бывшего охотника. Я не торопился. Травил веревку не спеша. Антипий спускался медленно и где-то даже торжественно. Услышав летящие снизу крики, призывающие спускаться побыстрее, недовольно поморщился, но сдержался. А вот помогающий мне старик сдерживаться не стал и виртуозным матерным языком посоветовал всем особо торопливым заткнуться. Ему вняли, и остаток пути Антипий проделал в тишине. Едва веревку отвязали, смотал ее и повесил обратно на крюк. Аккуратность и порядок внутри роднили меня с умершим охотником. Тут всё на своем месте. Пусть так и остается.

Вскоре ритуал похорон повторился. Заупокойную молитву на этот раз читал я, вспомнив ее слова с куда большей легкостью, чем в прошлый раз. И я не

позволил сбросить Антипия в стылую трещину. Для него я выбрал небольшое углубление у одной из стены кладбищенской пещеры. Сбил лед со дна, выгреб каменное крошево. Бережно уложил тело и обложил его камнями и льдом, сформировав нормальный могильный холм. Стоямя закрепил в изголовье длинный камень, сверху положил еще один поперек и еще выше поместил небольшой каменный обломок. Так получился крест. К этому времени со мной остался только имеющий здесь вес старик, чье имя я наконец-то узнал – Андрей. Но все его называли Василичем. Задумчиво поглядев на могилу, Василич неожиданно попросил:

– А мне такую сделаешь, как помру, Охотник?

– Сделаю, – после короткого раздумья ответил я, – того же и для себя прошу, если умру раньше.

– Ты молодой. С чего раньше меня помрешь?

– Всякое бывает. Пошли на ужин?

– Если там хоть что-то осталось, – хохотнул старик, и мы покинули кладбище.

Холл гудел. Холл ревел. Холл пел и хохотал.

Двое умерли этим днем. Но всем было плевать. Люди жадно жевали, хлебали, обливаясь крепким бульоном, торопливо глотали полупережеванное мясо. Кто-то от жадности давился, выпучивал глаза, соседи с хохотом хлопали того по трясущейся спине. Едва откашлявшись, тот снова бросался на кусок мяса. Ели большей частью руками. Из столовых приборов только ножи у всех, редко ложки, чаще всего бульон пили прямо из тарелок и чашек. Мясо отрезали у самого рта, едва не срезая себе носы.

Смеющиеся лица, с пятнами застывающего бульона на щеках и подбородках, сияющие восторгом глаза уже подернуты ленивой поволокой сытости и сонливости.

Запах... его не описать. Тут смешался восхитительный запах вареного мяса и вонь немытых тел. Огромный столб пара поднимался над столами и скапливался

под потолком. Я невольно обрадовался, что мое новое жилище находится чуть в стороне. Старый охотник знал, где разместить подвесную хижину. Мудрый старикан, что успел показать и рассказать мне немало. Отсюда и моя ему последняя благодарность.

Я ненадолго присел к краешку одного из столов, выпил большую чашку бульона и съел чашку мяса. Соли маловато. На меня никто не обращал внимания. Это к лучшему. Встав, я отошел к стене и добрался до лестницы. Поднявшись в хижину, сел в стоящее на веранде кресло, опустил руки на подлокотники. И минут пятнадцать сидел, сверху вниз глядя на праздник обжорства. Подняв глаза, на потолке увидел глубоко вырезанные буквы.

«Не быть таким никогда!»

Что ж...

Я полностью согласен с этим утверждением. Умерший старый охотник сживал тут не раз, с высоты наблюдая за редкими пиршествами. И ему точно не доставляло удовольствия видеть такое. Как и мне сейчас.

Чуть в стороне имелось еще несколько высказываний.

«Ешь меньше!»

«Двигайся больше!»

«Верь не словам, а делам!»

Надо же...

Настоящий кодекс поведения. И он подходит мне, идеально вписываясь в рамки моих собственных жизненных правил.

Жаль, что я не узнал Антипия лучше. Судя по всему, он был одним из тех редких людей у кого можно почерпнуть немало жизненной мудрости. Но не судьба. Смешно, но, пожалуй, Антипий был единственным человеком, кто показывал и рассказывал мне что-то без личной выгоды. А до меня, держась особняком, ни с

кем не сближаясь, он тем не менее исправно снабжал этот сброд свежим мясом.

Почему сброд?

Да потому, что им плевать на смерть кормильца. Особенно сейчас, когда их оповестили, что перебоев с поставкой мяса не предвидится. Они радостно пируют, нажираются, нет-нет да бросая взгляды вверх, на хижину нового охотника. И никто не бросил ни единого взгляда на закрытую дверь, ведущую на стылое кладбище, что только что приняло еще двух постоянных жителей.

Сброд... за очень редким исключением.

Настолько думающие только о себе люди, что я даже не могу сделать скидку на их возраст. Да и не собираюсь даже пытаться – я слишком хорошо помню бескорыстность своей бабушки, трудившейся до последнего вздоха. Она такой не была никогда.

Дверь на кладбище...

Я увидел, как в нее тихо и быстро проскользнуло двое мужчин, прошедших вдоль стены. Замковые следователи? Похоже на то. Отрадно, что не оставили мое сообщение без внимания. Пусть разбираются. А я...

А что я?

Подумав, оценив силы и энергию взбодренного крепким бульоном и мясом организма, решительно встал. Рано еще на боковую отправляться. Дел полным-полно, и начну с самого сложного и опасного.

Одевшись в меха, прихватил со стены пару снегоступов, палки, веревку и тяжелую рогатину. С угловой полочки взял начищенный до блеска, в нескольких местах смятый термос с металлическим корпусом. Советский. Я заметил его еще в первый свой визит в хижину. Еще бы не заметить. Предмет весьма ценный в здешних условиях.

Закрепив взятое на спине, начал спускаться, старательно запоминая каждую ступеньку, каждую скобу, стремясь максимально изучить путь, чтобы в

дальнейшем сделать его предельно быстрым и безопасным.

Пройдя у стены, миновал кладбищенскую дверь, покосившись на несколько выбитых и нарисованных над ней религиозных символов. Оказавшись у выхода, без удивления обнаружил, что около них нет ни единого человека. Все пируют.

Дойдя до котла, наполнил термос горячим бульоном. Поймав проходящего мимо старика, велел ему закрыть дверь. Тот, качаясь от сытости, осоловело кивнул, утер жирный рот грязной ладонью, что-то просипел неразборчиво. Вслушиваться я не стал. Отодвинул запоры и вышел наружу. По лицу тотчас ударила снежная крупа. Обернувшись, сквозь косой снегопад некоторое время смотрел на светящуюся громаду Столпа. В ушах звучал шепот, порой переходящий на бормотание. Я не понимаю тебя... я не понимаю...

Неумело закрепил на ногах снегоступы. Убедился в надежности крепления. Кивнул сам себе с одобрением. И снял снегоступы. Опять надел. Снова снял. Опять надел. Повторил операцию десять раз, каждый раз стараясь ускорить ее. Я должен добиться автоматизма в незнакомом умении. В каждом из охотничьих умений.

Это и была моя цель одиночной вылазки.

Я боялся окружающей местности. И боялся справедливо.

Что вокруг нас?

Холод. Снег. Пронизывающие ветра. Снежные черви и медведи. Провалы и торосы. И кто знает, какие еще опасности скрываются в здешних местах. Поэтому я и боялся. И продолжу бояться. А чтобы мои страхи не превратились в реальность, чтобы я однажды не сдох тут из-за банальной оплошности или неумения в чем-то, я должен начать долгие и упорные тренировки.

Закончив со снегоступами, неловко переступая, добрался до небольшого холма. Помогая себе палками, взобрался на вершину, где и улегся в хрустящий снег. Сложил перед собой руки – в одной сжимая нож, – положил сверху подбородок и затих, внимательно вглядываясь в унылую местность. Разглядывать здесь особо нечего. Но это на первый взгляд. Плюс я хотел привыкнуть к лежанию в снегу. Одет я очень тепло. Недавно поел жирной пищи. И с собой у меня кое-что есть

для подпитки тела энергией.

Через четверть часа неподвижного лежания – а это оказалось чертовски трудно – позволил себе достать термос. Отпивая из крышки бульон, лежал еще десяток минут. На первый раз достаточно. За прошедшее время увидел немало интересного – небольшую стаю стремительно куда-то ползущих червей, к примеру. А в сгустившемся поодаль сумраке мелькнула пара теней покрупнее.

Встав, взялся за рогатину и принялся отрабатывать показанные Антипием удары. Резкие, быстрые, сильные, на выдохе.

Выпад...

Выпад...

Выпад...

Остановился, когда плечи и руки уже жгло огнем от непривычной нагрузки.

Чуть передохну. И повторю серию выпадов. Я должен бить рогатиной наверняка, нанося как можно более глубокую рану. Недавняя охота показала, что нельзя надеяться на помощников. Я запросто могу оказаться один на один с взбешенным ранением зверем. И в этом случае все будет зависеть только от моих умений.

Отдохнув, выпил еще бульона. И продолжил махать рогатиной. На этот раз изнемогающие от боли руки отказали гораздо раньше. На сегодня хватит. Глянув за спину, без труда различил чернеющую скалу – там вход в Бункер. От него меня отделяет не больше пятидесяти шагов. Можно еще немного побродить неподалеку – не забывая об осторожности. В одиночку тут ходить крайне опасно. Я понимал это. Вот только положиться мне не на кого. Поэтому приходится рисковать.

Пройдя чуть дальше, вооружился палкой и принялся проверять сугробы, то и дело наклоняясь и собирая забитые снегом шкуры червей. Заполнив мешок, решил, что на сегодня с меня хватит пребывания снаружи. Время возвращаться. И я уже шагал к Бункеру, когда до моего слуха донеслось завывание. Я

испуганно обернулся, выставив перед собой рогатину. До боли в глазах вгляделся в черно-белую панораму. На мой след напал медведь?

Нет. Не медведь. Из сумрака возникла шатающаяся завывающая фигура. Человек... Старик.

Подняв руку, я крикнул, почти тщетно пытаюсь перекрыть свирепую стихию.

– Эй! Эй! Сюда!

Еще один освобожденный узник, сброшенный летающей кельей после сорока лет одиночного заключения. Его надо в тепло.

– Эй! Сюда! Сюда!

Я сделал несколько шагов ему навстречу. И замер в неподвижности, увидев зажатый в руке длинный нож. Взялся покрепче за древко рогатины. Особо настораживал даже не нож, а тот факт, что завывающий незнакомец передвигался босиком. Обувь болталась у него в свободной руке, под мышкой тук со свисающими рукавами. За спиной небольшой рюкзак. Перекошенное лицо испугано, он больше смотрит вверх, а не по сторонам. Каждый его шаг оставляет красный отпечаток в снегу – изрезал ноги острыми краями проломленного наста. Старик не в себе. Старик опасен.

– Верни меня назад! – Дрожащее лезвие ножа уставилось мне в лицо. Хрипящий голос не терпел возражений: – Верни меня назад, сука! Верни сейчас же! Я хочу назад! В келью! В мою келью! Верни меня!

– Конечно, – после легкой паузы кивнул я. – Пойдем со мной. К людям. Там тепло. Мы выпьем чаю. Поговорим.

– Ты врешь! Врешь! Верни меня сейчас!

– Не вру. Ведь это не бесплатно, – я убрал шарф прикрывающий низ лица. – Немного заплатите. И вернем вас обратно туда, – я указал вверх. – Будете и дальше дергать рычаги. Есть чем заплатить? Если да, то мы договоримся. Уже сегодня вернетесь домой.

– Ты не врешь, а? Не врешь мне?

– Нет. Деньги решают все. Есть золото? Ленинские рубли? Другое что ценное? Услуга недешевая. Но как заплатите – сразу отправим домой. Все налажено. Вы не один такой, кто хочет вернуться в теплую келью. И мы помогаем.

– Я заплачу! Заплачу сколько надо! Ты только верни меня домой, парень. Слышишь? Верни меня в крест! И я отблагодарю! – Нож чуть опустил, старик подался вперед, доверительно забормотал: – У меня много ценного, братишка. В накладе не останешься. Как только дверцу нужную покажешь – озолочу тебя. Понимаешь? Слышишь?

– Понимаю. Слышу, – кивнул я и махнул рукой. – Тогда пошли.

– Куда?

– В Бункер, – буднично пояснил я. – Там тепло и светло. Там нужные машины, что могут вернуть назад в крест любого желающего. Но! Старик! Мы тут шуток не шутим – бесплатно не работаем. Если денег нет или платить не хочешь – тогда иди себе дальше и не морочь мне голову.

– Да заплачу я! Заплачу сколько надо! Зря, что ли, сорок лет там прожил? Обзавелся деньжатами.

– Отлично. Тут недалеко. Иди за мной. И не отставай. А то мне еще двоих встречать надо. Тоже назад хотят. И что они там в кельях потеряли?

– Тебе не понять, пацан! Не понять! – забубнил старик, делая первый шаг в указанном мною направлении. – Не понять тебе! Там все родное. Все понятное. А тут? Снег и холод? В сраку! Понял меня? В сраку! Еще двоих говоришь встречать надо? А они мою очередь не подвинут вдруг?

– Кто первый придет, тот первый назад и отправится, – равнодушно отозвался я. – Процесс налажен. Пауза между отправками не больше трех часов.

– Три часа ждать мне не с руки! Поднажми-ка, парень! Чего плетешься?

– Как скажешь.

– Я и тебе пару монет в ладонь вложу, парень! Ты, главное, все путем сделай. Доведи, с нужным человечком сведи. Там я уж сам перетру, чтобы меня первым рейсом назад.

– Это же еще сорок лет, – покачал я головой. – Еще сорок лет в одиночке. Оно тебе надо? Может, в Бункере жить останешься?

– В келью! В келью! Ты меня с панталыку не сбивай! Я знаю, чего хочу! Назад в келью хочу! Идти далеко еще? Что-то ног не чувствую.

– Уже пришли, – ответил я и несколько раз ударил по двери. – Ноги придется отогревать. Нож убери. Тут борзых не любят.

– Нож убрать? – задумался старик.

Но тут дверь раскрылась, столб пара ударил в небо. Из горячего тумана выступила старушка:

– С возвращением, Охотник. А это кто?

– Освобожденный, – отозвался я и быстро подмигнул. – Деньги при нем. Сразу оплатит дорогу обратно.

Надо отдать должное – старушка суть ухватила сразу. Внимательно оглядела босого старика, с сомнением поджала губы:

– Не похоже что-то. Еще и ножом машет. Пусть себе идет дальше.

– Он просто немного испуган, – попытался я.

– Нет, – отрезала старуха. – Ишь какой грозный нашелся – ножом машет! Иди отсюда! Прочь!

Нож беззвучно упал в снег. Подняв пустые руки, старик торопливо забубнил:

– Да ладно тебе, красавица. Нож так – для острастки держал. Кто знает здешних людей. И пару тварей удивительных увидал. Да и голова как в тумане. Ноги озябли. Спину ломит. Слушай... деньги есть, даже не сомневайся. Ты со старшим договорись, пусть мне дорожку назад в келью откроет – и всего делов. Проблем никому не доставлю.

– Заходи, – после продолжительной паузы буркнула старуха и исчезла внутри. – И без шуток, хрен ты старый! А то вмиг оставшиеся зубы проглотишь!

– Ух! Сердитая, – улыбнулся мне старик и, переступив брошенный нож, шагнул к двери.

– Уважаемый, – остановил я его.

Нагнувшись, поднял нож, протянул владельцу:

– Спрячьте. Нож вещь нужная, пригодится. Только не размахивайте им почем зря.

– Понял тебя, парень.

– Как зайдете – люди приветствовать начнут. Закричат. Ногами затопают. Это от радости. Что еще один узник свободу получил. Не пугайся. А там и горячей еды подадут, ноги отопреют, к старшим для разговора поведут.

– Ясно. Не оплошаю.

– Прошу, – указал я рукой. – Добро пожаловать в Бункер.

– Я тут ненадолго! Перекушу горячего, оплачу путевку – и назад!

– Конечно.

Старик скрылся в горячем тумане. Через пару секунд Холл грянул дружным ревом:

– Свободен! Свободен! Свободен!

– Что еще за дорожка назад? – ворчливо поинтересовалась вернувшаяся старушка и, ничуть не стесняясь, громко рыгнула. – Ох и нажралась я.

– Он не в себе, – пожал я плечами. – Передайте кому следует – пусть поговорят со старичком. Успокоят. И чтобы сразу не рубили сплеча – нет, мол, дороги назад.

– Не учи ученых, Охотник. Тут почитай треть хотела бы в летающий крест вернуться. Разберемся. А ты чего не заходишь?

– Еще немного осмотрюсь, – мотнул я головой и протянул мешок. – Тут дрова.

– Вот за это спасибо! В Холл ведь дровишки? Аль в Центр или Замок?

– В Холл, – улыбнулся я. – Эти, – в Холл.

– Когда вернешься?

– Через час буду.

– К тому времени приготовлю горячего питья, – вздохнула старушка и, плотней закутавшись в видавшую виды шерстяную шаль, проворчала. – Осторожней там, Охотник. В одиночку бродить... до тебя так только Антипий поступал. Бывало, днями пропадал. На рожон не лезь!

– Спасибо.

Дверь захлопнулась. Я вновь в одиночестве. И мне это нравится. Есть время подумать. Да и не хотелось сидеть в тюрьме. А Бункер... это та же тюрьма. Даже администрация имеется – Замок. А то, что двери не заперты – куда идти старикам?

Вернувшись к месту, где встретил босого старика, некоторое время наблюдал. В окровавленном снегу проворно сновали снежные черви, глотая пищу. Снег белел на глазах. Несколько минут – и не осталось ни одного красного комочка. Оценив

количество червей, убедился, что поблизости нет крупной стаи этих тварей. И коротко ударил острой палкой, пробив самого жирного. Подняв извивающегося червя, перевернул палку, воткнул ее в снег. На землю полетели белесые капли, по воздуху поплыл отчетливый неприятный запах. Отступив, спрятался за большим торосом и начал ждать. Приманка поставлена. Найдется ли желающий ее попробовать? И какого он окажется размера?

Сначала исчезли испуганные запахом родной крови черви. Шустро уползли в сумрак. Воющий ветер быстро разровнял снег. Я терпеливо ждал, преодолевая желание выпить горячего бульона.

Заметив движущуюся тень, напрягся, приготовился отступить. Но прущий к пахнувшей приманке зверь оказался небольшим. Детеныш. Чуть больше метра в длину. Белая шкура сливается со снегом. Удлиняющиеся лапы тащат зверя вперед. Выждав еще пару минут, встал и рванулся вперед. Два прыжка. Резкий удар рогатиной. Плечи отозвались на усилие болью. Вонзившаяся рогатина пригвоздила шею медвежонка к земле. Тот разинул пасть, заревел. Но рев тут же оборвался – я ударил острой палкой, нанося фатальную рану. Голова тяжело упала в снег. Дернувшиеся лапы судорожно проскребли снег и затихли.

– Извини, – выдохнул я. – Извини.

На более крупного зверя я бы просто не рискнул напасть в одиночку. Выдернул оружие, содрал все еще извивающегося червя с палки – живучий! – снял с плеча веревку и подступил к туше с ножом. Неумело сделал надрезы в указанных ранее Антипием местах. Пропустил веревку. Завязал. Убедился, что не оставил никаких вещей. И потащил добычу в Бункер. Надо торопиться – запах пролитой медвежьей крови уже приманивает червей.

Глава третья

Охранники Замка встретили меня у лестницы от Холла к Центру. Неведомым образом до них донеслась весть о том, что медвежонка я тащу именно к ним. Легла на пол пленка, тушу уложили в нее, закутали, перевязали веревкой. Старики удивительно легко подняли зверя на плечи и потащили вверх, мимоходом кивнув – следуй, мол, за нами. Я спорить не стал.

Оказавшись у знакомых дверей, немного подождал. И на ожидаемый вопрос о желаемых благах, коротко ответил:

– Талоны.

– На все?

– Ага.

– Держи. Два полных листа талонов. Может, еще чего добавить?

– Этого вполне достаточно, – отказался я, убирая талоны в карман. – Спасибо.

– Постой. Поговорить с тобой хотят.

– И кто?

– Михаил Данилович. Весомый человек. Рассудительный.

– Хорошо. Здесь подождать?

– Проходи, – широким жестом указали мне на приотворенную дверь, ведущую в Замок.

Радоваться я не стал. Уже знал, что там просто хорошо обставленная тамбурная комната для приема гостей. Сняв верхнюю одежду, аккуратно сложил на стул, поставил рядом оружие. Пригладил волосы. И вошел. Как и следовало ожидать, комната была пуста. И это на самом деле была гостиная. Камин с потрескивающим огнем, подъедающим шкуры червей. Пара диванов, шесть кресел. На стенах несколько картин, на полочках различные безделушки.

Усевшись в кресло, спокойно принялся ждать, отсчитывая про себя секунды. Я даю пять минут. Если за это время Михаил Данилович не явится – я отсюда уйду. Не я напросился на встречу – меня сюда пригласили.

Он пришел на исходе третьей минуты. Прошел через заднюю узкую дверь – деревянную, резную, снабженную начищенной до блеска ручкой в виде оскаленной медвежьей головы. Ручку наверняка притащил с собой один из бывших сидельцев. А вот дверь... вряд ли кто с дверью сюда явился. Ее сделали здесь. Резьба не проблема – таланты у сидельцев разные бывают. Но такой широкий кусок дерева – дверь выглядит цельной.

Встав навстречу старику, что, как я отметил автоматически, шагал легко и бесшумно. Осанка прямая, голова поднята, за исключением аккуратно подстриженных седых волос и морщин, в нем нет ни малейших признаков старости. Двигается свободно, шагает широко, все зубы на месте – что видно по широкой открытой улыбке. И рукопожатие удивительно крепкое.

– Добрый день. Мое имя Михаил Данилович.

Сразу отметил границы дозволенного. Не предложил величать только по имени или только по батюшке.

– Здесь меня зовут Охотником, – улыбнулся я в ответ.

– А до этого Гниловозом. Потому что на кресте трупы таскал. Верно?

– Все верно.

– Удивительно. Ты меняешь имена, как хамелеон, мой юный друг. И каждый раз имена соответствуют ситуации. Там ты гниль таскал. Здесь на медведей охотиться начал.

– Почему нет, – развел я руками.

– А настоящее имя?

– А что оно здесь дает? – спросил я. – Моя настоящее имя. Вся наша прошлая жизнь здесь не играет ни малейшей роли. Я мог быть там известным политиком или спортсменом – но здесь я просто обычный узник получивший свободу.

– Получивший ее гораздо раньше срока. И оставшись при этом целым. Да еще и провернув целую авантюру, – отметил собеседник.

– Не без этого. Крутиться в стреляющей карусели целых сорок лет, каждый день играя в русскую рулетку со Столпом... это не по мне.

– А мы вот откатали от звонка до звонка, – хмыкнул Михаил и указал на кресло. – Присаживайся. Выпьешь?

– Кофе, если есть, – не дал я ему перечислить варианты.

– Конечно. С сахаром?

– Будет отлично. Кофе покрепче, сахара не больше чайной ложки.

– Алкоголь?

– Только с холода вернулся. Не стоит пока, – отказался я. – Но спасибо за предложение.

– Отлично.

Щелкнув кнопкой миниатюрной рации, Михаил Данилович распорядился:

– Двойное кофе в большом бокале. Чайную ложку сахара. Мне как всегда.

– Спасибо.

– Тебе спасибо. Ты появился удивительно вовремя, Охотник. Мы потеряли Антипия. Нашего старого, матерого волка, что годами снабжал нас мясом. Прочие охотники ему и в подметки не годились, если говорить начистоту. Теперь все наши надежды возложены на тебя. Ты ведь не против?

– Наследство уже принял.

– Слышал об этом. И полностью согласен. Кесарю кесарево. Насчет мяса...

Я безмолвно приподнял брови.

– И дров, – рука старика указала на небольшой камин, богато украшенный резьбой.

Я продолжил выжидающе молчать.

– Прошу тебя, не отдавай мясо Холлу. По крайней мере, делай это не часто. Причину объяснять надо?

– А что тут объяснять? – дернул я плечом. – Сам все видел. Вся туша пошла в котел. Несколько варок подряд. Ни кусочка мяса не было отложено на черный день. Холловцы живут одним днем и не думают о будущем. Да и нехорошо в их возрасте так обжираться мясом – желудки уже не те. Пища должна быть полегче.

– Именно! – подался вперед Михаил. – Именно! Тогда как мы с мясом обращаемся куда разумней. Думаю, и тут ты уже уловил суть?

– Мясо разрезаете, отправляете на лед. Каждый день используете ровно столько, сколько требуется для варки супов. Кормите весь Бункер. Наверняка стараетесь создать большой запас на будущее – если охотники погибнут, а новые быстро не появятся.

– И снова верно! Ты весьма разумный молодой человек! Вот и посуди сам – от этих необузданных пиршеств одни проблемы! Мясо уходит в никуда. А это ценнейший ресурс! Один из залогов нашего общего выживания в этих неприветливых землях. Мы заботимся о Холле. Стараемся, чтобы супы были наваристыми и полезными. Делимся всем производимым. За этой стеной, – широким жестом старик указал на заднюю стену, – скрыты кухни, кладовые, оранжереи и теплицы. Есть и большой ледник, что сейчас почти пуст. И это тревожно. Только успели обрадоваться появлению среди нас крепкого и решительного молодого мужчины... а ты тут же заставил нас обеспокоиться за твою жизнь!

– Чем же? – удивился я.

– Ты в одиночку вышел из Бункера! В одиночку! Случись что, получи ты ранение
– кто поможет тебе вернуться домой?

– Это риск, – признал я. – Но других вариантов нет. Положиться особо не на кого.
Вот вы... сможете предоставить мне помощника? В Холле и Центре таких нет.

– К сожалению, среди нас тоже нет охотников, – с сожалением вздохнул
Михаил. – Но, может, удастся сколотить бригаду из холловцев? Собрать человек
пять, обучить их некоторым навыкам...

– Вряд ли, – качнул я головой. – Очень вряд ли. Время покажет. Пока же я
должен получить хоть какой-то опыт. Пусть даже в одиночку. Если я стану
отсиживаться в тепле и безопасности – мяса от этого больше не станет.

– Понимаю... смелый поступок. И достойный. Ты думаешь о всеобщем благе.

– Нет, – улыбнулся я. – Тут вы ошиблись, Михаил Данилович. В первую очередь я
думаю о себе. Чем больше у меня опыта и знаний – тем больше шансов выжить.
Умирать я не хочу.

– Никто не хочет, – грустно усмехнулся старик. – Никто. Все хотят жить как
можно дольше, оставаясь при этом в своем уме и имея возможность
самостоятельно сходить в туалет. И снова все упирается в размеренный образ
жизни с нормальным сбалансированным питанием. У тебя лично есть нарекания
к ежедневному меню?

– Вкусно. В меру сытно.

– Вот видишь!

В дверь зашла улыбающаяся девушка, одетая в кожаную тунику и свободные
штаны из такого же материала. Длинные расчесанные волосы свободно
ниспадали на плечи. Мягко покачивая бедрами, она прошла через комнату,
опустила на столик поднос с бокалом кофе и чашкой янтарного чая.

– Это Кристи. Она родилась здесь, – мягко улыбнулся Михаил. – Познакомьтесь.

– Кристи, – чуть присела девушка, одарив меня удивительно ласковым взглядом карих глаз.

Что-то в ее лице было не так. Некая легкая заторможенность. Да и лицо какое-то... пустое... слишком уж расслабленное. Когда она, продолжая смотреть на меня, запустила палец в нос и задумчиво принялась в нем ковыряться, многое стало ясно.

– Охотник, – склонил я голову. – Рад знакомству, Кристи.

Еще одна улыбка. И девушка ушла.

– М-да, – вздохнул Михаил.

Никак не став комментировать увиденное, я взял бокал и с огромным удовольствием сделал глоток кофе. Горячий, крепкий, в меру сладкий. Идеально.

– Я вас услышал, Михаил Данилович, – вернулся я к теме разговора. – Скажу так... не люблю нарушать традиций. Поэтому большую часть добытого мяса и шкур я буду приносить сюда. В Замок. Это и мне выгодно, с какой стороны не глянь. Меньшая часть изредка будет уходить в Холл.

– Как можно большую часть мяса в Замок, Охотник, – попросил старик. – Как можно большую часть. Чем полнее наши ледники – тем сильнее наша вера в сытое будущее. Понимаешь?

– Конечно. Мы договорились. Следующая туша будет доставлена в Замок.

– Но не геройствуй! Действуй осторожно. Продумывай каждый шаг. И помни – наша благодарность будет велика.

– Спасибо, – улыбнулся я. – А можно часть благодарности получить авансом?

– Уточни.

– Знания. Мне нужно как можно больше знаний об окружающем мире. Не помешала бы хорошая карта. Сведения о фауне и флоре. Любые записи о звериных повадках. Ну и хотелось бы знать, что еще за поселения вокруг нас и как себя вести, если вдруг столкнусь с выходцами оттуда.

– Что ж... – после краткого раздумья, произнес Михаил, беря в руки чашку. – Вполне резонная просьба. У нас есть небольшая подборка как раз на такой случай. Но за многие годы ты первый кто заинтересовался знаниями. До тебя так же поступил Антипий. Подожди.

Встав, собеседник не покинул гостевую – вопреки моим ожиданиями. Он подошел к одной из полок, открыл большую шкатулку и вытащил из нее согнутую картонную папку, перетянутую красной широкой резинкой.

– Возьми, Охотник. Я так и так хотел предложить тебе эти знания. Но ты опередил меня. Похвально. Что-нибудь еще?

Забрав папку, взвесив ее в руке, глянул на Михаила Даниловича и поднял руку с бокалом:

– Мелочь. Можно еще один бокал дефицитнейшего кофе? Мне предстоит пара часов углубленного чтения.

– Советую выпить чаю. Он у нас особый. Бодрит куда лучше кофе. Но если ты настроен против чая, то...

– Пусть будет чай, – легко согласился я. – Главное бокал побольше. Спасибо, Михаил Данилович. И за разговор, и за кофе с папкой.

– Кофе с папкой, – усмехнулся старик. – Хорошо сказано. Рад знакомству!

– Взаимно!

Мы обменялись еще одним рукопожатием и разошлись. Беседа завершена. Короткий, но содержательный разговор сводился к малому – тащи все мясо в Замок, и мы не забудем отблагодарить тебя. И долго со мной никто беседовать не собирался. В принципе, все логично. Я здесь новенький. Никто не собирается

раскрывать мне душу. И никто не станет давать чересчур громких обещаний. Мой единственный в их глазах козырь – моя молодость. Но кто как не они знают, что молодость проходит очень быстро. А кто здесь считает года? Время течет незаметно. Их жизненный путь занимает время от поздравительного крика «Свободен» до глухой молитвы и почти беззвучного шлепка мертвого тела о дно ледяной трещины на кладбище. Этот же удел ждет и меня. Просто проживу я здесь не пять-десять лет, максимум пятнадцать, а куда дольше. Если меня не сожрет медведь.

Усевшись за один из столиков в общем помещении Центра, поставил рядом бокал чая и, не без трепета, открыл картонную папку. Информация. Самая ценная здесь вещь. Ценнее золота.

Впрочем, радость и трепет длились недолго. Уже через несколько минут они угасли почти полностью.

Что имелось в папке?

Пара дюжин созданных с различной талантливостью иллюстраций.

На них изображались лежащие и стоящие под снегом деревья. Атакующие и спящие медведи. Стаи снежных червей. Столп во всем его величии. Рой крестов, летящих в вышине. Облака. Облака. Облака. Туманы. Одинокие в бескрайнем снежном краю фигурки путешественников и охотников.

Несколько листов исписаны тем, о чем мне уже рассказал Антипий – некоторые тонкости охоты на медведей, способы транспортировки тяжелых туш к Бункеру.

Имелась и некоторая полезная информация – как строить дом из снежных блоков. Иглу. Этот листок был исписан полностью, по тексту заметно, что писали с чужих слов. Нашелся же умелец-сиделец с такими знаниями. Кто в наше время знает, как вырыть землянку, построить из снега иглу или возвести хотя бы банальный шалаш, могущий защитить от дождя? Зато все прекрасно умеют щелкать компьютерными мышками и тыкать пальцами в сенсорные экраны телефонов.

Снова вспомнились выживальщики. Сурвивалисты. Сколько из этих ребят на самом деле смогут прожить в лесу хотя бы неделю на подножном корме? И это я про летний и осенний лес. Про зимний даже не заикаюсь. У скольких из грезящих скорым концом света парней есть навыки охоты? Сбора грибов и ягод? Мало покупать штаны с кучей накладных карманов и нагружать их метрами особой тонкой и крепкой веревки и мультитулами. Да, среди их все растущего числа есть действительно серьезные и умелые ребята. Но таких меньшинство. Большинство же мечтает о посиделках в уютном безопасном бункере, где под музыку пятидесятых и треск радиопомех будут с восторгом прислушиваться к агонии погибающего мира, наслаждаясь бурбоном и шпротами.

Дом из снежных блоков... это полезная информация.

Сходив в комнату, перебрался парой слов с Шерифом, взял нужные принадлежности и вернулся к столу. Скопировал информацию о постройке иглу, уже завтра собираясь опробовать это на практике.

Отложив листок, взял следующий. Хмыкнул удивленно. Немного текста и цветная иллюстрация. Страница, вырванная из какого-то приключенческого романа. Полуобнаженные герои различных цветов кожи увлеченно сооружают ловчую яму на крупного зверя. Дно ямы щерится острыми кольями, отвесные стены раза в два выше человеческого роста. Судя по природе вокруг – дело происходит в тропиках. Там копать куда легче, чем в вечной мерзлоте. Мне не пригодится. Но я все же потратил некоторое время на изучение иллюстрации. Тут наверняка встречаются глубокие трещины прикрытые снегом. Есть шанс заманить медведя на запах истекающего кровью червя. А когда он бухнется в яму и... М-да... отбой. Нет шанса предугадать, каким местом здоровенная зверюга напорется на кол. Но, скорей всего, пузом. Кол пробьет желудок, заполненный едкой кровью снежных червей, и мясо окажется испорченным. Опять же доставать зверя из глубокой ямы... этот вариант нам не подходит. В сторону.

– Привет, Охотник, – донесшийся веселый голос звучал очень... молодо.

Вскинув голову, я увидел красивейшую девушку. Ухоженную девушку. Опрятно одетую. В синих с фиолетовым оттенком глазах светился острый ум. Да она даже косметикой не побрезговала... и наложила ее умело. Но к черту ее опрятность и косметику – она была молода! Ну как молода... по здешним меркам просто девчонка. А вообще ей неплохо за тридцать. А еще она сидит в

самодельной инвалидной коляске, и у нее нет ног ниже колен.

– Я Милена! Рада познакомиться.

Я автоматически протянул руку, и ее крепко стиснула ладонь в перчатке с обрезанными пальцами.

Ловко крутнув коляску, новая знакомая оказалась рядом со столом. Облокотилась, изучила разложенные листки. Весело фыркнула:

– Теорию штудируешь, студент?

– Вы очень молоды, – заметил я.

– Спасибо за комплимент, – рассмеялась женщина.

Или все же девушка?

Нет. Это зрелая женщина. Вполне фигуристая. Подтянутая. Даже спортивная. Многие признаки указывают на ее истинный возраст – морщинки, даже форма лица, что меняется у нас на протяжении всей жизни. Но один черт, мне почему-то казалось, что ко мне подкатила восемнадцатилетняя, максимум двадцатилетняя девушка. Задорная, обаятельная, умная.

– Могу налить чаю, – предложил я, заметив висящую в специальном вырезе на широком подлокотнике кресла пластиковую кружку.

– Спасибо за щедрость. Но лучше я тебя угощу своим фирменным рецептом. Бодрящим. Только не спрашивай, что я туда намешала! Секрет! Немного кофе там точно есть, это ты и сам по запаху поймешь. И нет, я не ведьма.

– Да я и не...

– Даже не думал? Странно. А то здешние почтенные обыватели все, как один, меня ведьмой величают. А старушки еще и ненавидят до кучи.

– За что?

– Сам как думаешь?

– На ум приходит только твоя молодость.

– Угадал. Они попали сюда дряхлыми развалинами. А я угодила всего через два года после начала отсидки.

– Крушение креста?

– В точку! В меня даже не Столп пальнул. Просто другой падающей кельей зацепило, и я кувыркнулась следом. Бах! – Милена всплеснула руками, едва не выронив огромный, вот прямо огромный ярко-оранжевый китайский термос. – Да-а-а... до сих пор вспоминать страшно. Выжила чудом. И даже горжусь! Я, конечно, не Весна Вулович, не с такой высоты грянулась, но все же! И тоже переломала ноги. И ребра. Зато руки остались целы! И пришлось попытаться повторить подвиг таких замечательных людей, как Джулиана Кёпке и Алексей Маресьев. Книгу «Повесть о настоящем человеке» читал?

– Дважды. Первый раз бабушка заставила. Второй раз сам захотел перечитать в один достаточно сложный период в жизни.

– Правильно сделал! У меня дома такие книги вообще на отдельной полочке рядом стояли. «Робинзон Крузо», «Повесть о настоящем человеке», «Моя сторона горы», «Уолден, или жизнь в лесу». Один – о пацане, выживающем на дальневосточном острове. И ведь на реальной истории основано. Обожаю такие книги! Но речь о другом – я таки доползла! Представляешь? Надела все, что можно было надеть, и выкатилась наружу веселым таким шариком. Свобода!

– Прямо до Бункера доползла?

– Куда там! До Антипия, – рассмеялась Милена. – Он меня заметил. Он и дотащил. А тут меня уже подлечили. Но кое-чего лишиться пришлось, – она глянула на ноги, чуть подвигала бедрами. – Но это малая цена, верно?

– Согласен.

– Хотя теперь ты у меня забрал лидерство – вообще целехоньким явился. Хотя лицо опухшее и в синяках.

– Синяки по всему телу. Мизинец сломан, – показал я обмотанный палец. – Пара серьезных ушибов. Но это ерунда. Все пройдет через неделю.

– Завидую, конечно! Ну... каждый платит свою цену за свободу, верно? У кого-то цена больше. У кого-то меньше. И в любом случае они, – Милена незаметно указала на играющих в лото стариков, – заплатили цену куда более серьезную. Они отдали молодость.

– Не поспоришь.

– Ты как в келью попал? – На стол бухнулась толстенная тетрадь в кожаном переплете. Старинная тетрадь, можно сказать. Я такие видел только у родителей и бабушки. Общая советская тетрадь в клеточку. Переплет, конечно, не кожаный, но сильно похож. Милена украсила тетрадь наклейками и рисунками, явно вставила дополнительные листы, отовсюду торчали закладки.

– В баре познакомился с неприметным мужичком, – пожал я плечами. – После разговора по душам получил толчок в спину и нырнул в телепорт. Очнулся в келье. А ты?

– В электричке познакомилась. С неприметной тетенькой. Полноватая, добродушная. При подъезде к одной из станции попросила меня помочь сумку вынести. Тяжелая больно. А у нее спина больная. Я и потащила. В тамбур вошла. А меня в спину ладошкой шлеп... вместе с этой сумкой и влетела в келью.

– И что в сумке?

– Кирпичи и старые журналы, – горько усмехнулась Милена, но тут же встряхнула головой. – Заманила меня тетенька. Заманила!

– Заманила, – согласился я. – И ведь не побоялась – прямо в электричке.

– Выгоны почти пустые были – вечер и за сотый километр от Москвы уже укатили. Так что тетенька безнаказанной осталась. Ну и ладно. Что уж теперь

поделать.

– Взяла тяжелую сумку как повод попросить о помощи, – размышлял я вслух. – И ведь знала, что обрекает молодую женщину на сорок лет тюрьмы. Могла хотя бы десяток банок консервов в сумку бросить – пусть даже самых дешевых. Не обеднела бы. Но напихала только старых газет и кирпичей. Хм... а как она прошла досмотр на вокзале? Никто не удивился такому содержимому сумки?

– Кто удивляться будет на Павелецком? Там такая суматоха.

– Ну не знаю... куча кирпичей и макулатуры – тут по-любому подозрения какие-то должны возникнуть. И что она им скажет на логичный вопрос: а это что такое, тетенька? Что скажет? Кирпичики на постройку дачного туалета собираю и раз в месяц отвожу? Вряд ли. Скорей всего, зашла на одной из недосматриваемых платформ. Еще одно предположение – тетенька специализируется на женщинах и электричках. Раз так уверено сработала, идеально выбрав момент и способ.

– Да брось, – махнула ладошкой Милена. – Какая теперь разница? Нам обратно не попасть. И тетеньку ту не сыскать.

– Верно, – признал я. – Не попасть. Наверное.

– Шутишь? Веришь, что можешь попасть в домой?

– Не особо. Но не привык что-либо скидывать со счетов без доказательств.

– Выйди наружу, оглядись. Мы посреди снежной пустыни. И никаких приветливо мерцающих врат портала ведущего домой. А это, кстати, несправедливо! Могли бы и поставить! Для тех, кто освободился.

– Чтобы они начали болтать? – усмехнулся я.

– Кто бы поверил?

– Одиночке? Никто. Десятку? Тоже вряд ли. А вот целой сотне или двум сотням дряхлых стариков слово в слово талдычащих о жутком мире с ледяным Столпом... кто-то да прислушался бы. Тем более на их стороне весомейший

козырь.

– Это какой?

– Они все были без вести пропавшими сорок лет, – ответил я. – Как и ты сейчас. Как и я. Сотни и тысячи людей считаются без вести пропавшими. И если они вдруг начнут возвращаться...

– Ну да... так... кофе мой пробовать будешь?

– Конечно. Секунду.

Допив чай, подставил кружку под горлышко оранжевого термоса, мимоходом подумав, что очень скоро предстоит совершить поход в туалет. Сделал небольшой глоток. Удивленно глянул на довольно улыбающуюся Милену. Это было... вкусно. Прямо вкусно. И очень необычно. Чувствовалось небольшое количество кофе. Присутствовали некоторые травы – из тех, которыми приправлялись тюремные блюда. Ощущались медовые нотки.

– У тебя в термосе настоящее богатство, – чистосердечно признал я. – Это вещь. На талоны не меняешь?

– Ни за что! Но! Вот тебе встречное предложение – ты приносишь мне все найденные приправы, а за это я пою тебя своим особым чайком. Что скажешь?

– По рукам! Но пока что такие находки мне не попадались.

– Попадутся, и не раз, – помрачнела Милена. – Тем дольше ты снаружи – тем ты богаче. Это единственная причина, почему я злюсь на свою беспомощность, – она опять указала на ноги. – Умей я ходить... и каждый день выходила бы из Бункера. А так приходится надеяться на охотников. И впервые у нас появился такой, как ты.

– Молодой, сильный и даже не тупой? – хмыкнул я.

– Точно. Молодой, сильный и даже не тупой. Ты вот смеешься, а про тебя в Замке сейчас только и говорят. Красный Арни так соловьем заливается. Хвалит и

хвалит, хвалит и хвалит.

– Ну... особо я ничего не сделал. Просто рвался на свободу и старался выполнить данное слово.

– Вот за это и хвалит. Ты мог их бросить. Но не бросил.

– Не будем меня захваливать, – фыркнул я. – А чего ты так помрачнела, когда сказала, что мне не раз попадутся находки.

– Трупы, – коротко сказала Милена. – И снова трупы. И полупереваренные рюкзаки, выплюнутые медведями. Или вышедшие иным путем предметы. Не все освобожденные узники добираются до нашего или других бункеров. Многие гибнут в пути. Много ли холода и расстояния надо старикам, чтобы сдаться и просто умереть? И сколько узников во время почти бесконечной отсидки стараются поддерживать себя в нормальной физической форме? Знаешь, что примечательно?

– М?

– Большая часть сюда пришедших стариков страдала одышкой, полнотой, отсутствием какого-либо мышечного тонуса. Они дергали все три рычага, не отказывались от даруемых вина и кексов, не забывая налегать на колбаску и рыбу. Превращались в покорных толстяков. И если после освобождения им удавалось добраться до Бункера и поселиться в Центре или Холле... вот тогда они начинали быстро худеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dem-mihaylov/perekrestok-odinochestva-2>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)